

ЕЛЕНА ЧУТСКАЯ

КОГДА

ЦВЕТЕТ

ОЛИВА

16+

Елена Чутская
Когда цветет олива

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Чутская Е.

Когда цветет олива / Е. Чутская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-99758-5

Какая женщина откажется от долгожданного отпуска в солнечной Италии, тем более если приглашение получено от потенциального жениха. Что проще: оформить визу, купить билет до Неаполя, собрать чемоданы и под завистливые взгляды подруг отбыть на лазурный берег Неаполитанского залива. Не эта ли мечта любой женщины? Но не всем мечтам положено сбываться, особенно, когда жениху немного за шестьдесят, а взрослые сыновья плетут за спиной отца интриги и хотят поскорее поделить наследство. Возможно ли противостоять целому семейству ради одной цели - поселиться в прекрасном уголке области Кампания под названием Сан-Стефано или... плюнуть на все и вернуться домой?

ISBN 978-5-532-99758-5

© Чутская Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

1. Мария	5
Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвертая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Чутская

Когда цветет олива

1. Мария

Глава первая

– Фортовая ты, Машка, везучая. Никогда бы не подумала, что тебе так повезет. Гранде фортуна! Хотя фортуна у тебя далеко не гранде. – Штопор все-таки поддался женскому напору, и пробка плавно вытянулась из узкого горлышка пузатой бутылки, а Лора еще раз внимательно осмотрела пятую точку подруги и в подтверждение своих слов покачала головой.

– Не придумывай, Лора, причем тут везение. Простое знакомство через интернет. Было бы желание...

Маша обладала самой примитивной фигурой: рост невысокий, грудь обыкновенная, а отсутствие длинных ног с лихвой компенсировала тонкая талия. А та пятая точка, на которую так точно прицелилась Лора, совсем не обладала приятной выпуклостью, а даже наоборот, поражала плоской квадратностью. Хорошо изучив свое бесформенное тело, Маша всю жизнь отдавала предпочтение брюкам и растянутым свитерам, превосходно прикрывающим то, чего не было и в помине, создавая иллюзию стройности, подтянутости, вырисовывая фигурный силуэт. Лишь одного Лора не понимала: как до сорока восьми лет подруга умудрилась сохранить девичью худобу. Но своим бесспорным достоинством Маша никогда не хвасталась.

Ее светлые пушистые волосы ни разу не пережигались окрашиванием в модных салонах, легко скручивались в тугий жгут и держались на затылке с помощью допотопных металлических шпилек. Даже седина не спешила появляться в этих тициановских волосах назло всем завистникам и злопыхателям, кто пытался навскидку определить ее возраст. Возраст был неопределенный. Никто больше сорока не давал, но Маша настолько и выглядела. В модных джинсах, поверх которых надевалась очередная кофта-балахон замысловатого цвета, с яркой кожаной сумкой через плечо она всегда летела стремительной походкой, держа высоко голову и не смотря под ноги. В представлении Лоры надежно закрепилось понимание того, что именно так и должны выглядеть все непризнанные при жизни художники, к которым она относилась и любимую подругу, приписывая ей не до конца раскрытый талант.

– Желание есть у каждой, не каждой так везет!

Две закадычные подруги на тесной кухне старой московской квартиры справляли Машин отъезд. И пока темно-бордовое вино «дышало» от долгого томления в закрытом пространстве, хозяйка высыпала спагетти из кастрюли в глубокую миску и заправила примитивное блюдо дорогущим соусом, приобретенным для такого случая в модном супермаркете. Макароны, прельстившие нерадивую повариху яркой упаковкой без единого русского слова, скользили, путались и не желали аппетитно формироваться в мягкие, живописные изгибы.

– Господи, как же трудно с этими макаронами! – Маша, плюнув на этикет, перемешала все вилкой.

– Ты только при родственниках Марио такое не ляпни, – возмутилась Лора, пригубив сразу треть бокала.

– Почему?

– Это у нас макароны, а у итальянцев – паста! Причем все без исключения.

– Да знаю я, не учи. – Маша бойко выставляла на стол салатницу, хлеб, овощное рагу. Из духовки тянуло чесноком и пряностями. Курица готовилась по всем правилам итальянской кухни.

В глубокой салатнице Лора перемешала овощное поурри, добавила для мягкости подсолнечного масла и щедрюю щепотку йодированной соли.

– Счастливая ты, Машка! Будешь теперь пить настоящее «Кьянти», есть морепродукты и наслаждаться безмятежной жизнью, – замечталась Лора над порцией спагетти. – Завидую я тебе!

– С чего ты взяла? Ну с чего? – Маша оторвала взгляд от мокрого окна.

Не хотела она устраивать прощальные посиделки, ох, как не хотела. Хорошо знала острый язычок единственной подруги. И так можно было предположить, что все закончится неоправданной злостью на Лоркины нравоучения. Оставалось только сдерживать легкое раздражение и подливать в бокал полусладкое вино. – Какая безмятежная жизнь? Не фантазируй, Лора. Через три месяца обратно вернусь.

– Ты с мужем развод оформила?

С тяжелым вздохом Маша кивнула головой.

– Значит, сразу ориентируй Марио на долгую и счастливую семейную жизнь. Твоя цель – выйти замуж. Поняла? Через два года пятидесятилетие будем праздновать, тянуть дальше некуда. Последний предел. За три месяца справишься? – подытожила Лора.

Времени, конечно, кот наплакал, но если постараться... Она никогда не ставила цель – выйти еще раз замуж. Одного раза хватило с лихвой. Еще в университете на втором курсе влюбилась по уши в харизматичного с обнадеживающими задатками будущего скульптора с мировым именем, а через пятнадцать лет от него осталось только имя, вернее, фамилия, с которой Мария Пронина рассталась совсем недавно, когда по всем правилам оформила развод. От скороспелого брака так же скоропалительно родился и единственный сын Максим, а на второго ребенка планы не распространились.

Вообще, жизненное обустройство у Маши происходило всегда высокими взлетами и резкими падениями, радость и счастье чередовались с разочарованием и горем по аккуратной вымеренной временем амплитуде то ли косинуса, то ли синуса, попарно и обоюдно. Зарегистрироваться на сайте знакомств она так и не рискнула, а вот через страницу инстаграма, где осмелилась показать миру свои студенческие работы, непонятными интернетовскими тропками на нее повально стали подписываться мужчины средних лет приятной наружности. Но в силу своей скромности и обыкновенной нехватки времени, Маша подписчиков игнорировала, а на вопрос «Привет. Как ты?» не отвечала ни единым словом.

Марио Тонини подписался к ней в марте, она хорошо запомнила этот факт, потому что грустный мужчина с красивыми черными глазами лично поздравил ее с Международным женским днем, прислав в качестве подарка открытку с изображением Сикстинской Мадонны мастера Рафаэля. Машу подкупило и незамысловатое поздравление, и прекраснейший образец искусства, которым она занималась всю сознательную жизнь, а именно, окончив институт имени В.И. Сурикова, проработала в художественных школах и частных мастерских почти двадцать лет. На интересе к живописи и завязалась ежедневная переписка. Марио поочередно высылал фотографии членов своей семьи в сопровождении краткой ознакомительной характеристики, и уже через месяц она знала все семейство Тонини из небольшой деревушки Сан-Стефано провинции Авеллино где-то недалеко от Неаполя.

– Маш, пойми, таких, как ты, тысячи. – Лора нервно откинула за спину прямые черные волосы, все норовившие залезть в тарелку с макаронами, и продолжила лекцию под заунывное брнчание дождевых капель за окном. – Тебе сама судьба улыбнулась...

После жаркого лета с первых дней сентября резко наступила осень, выполаскивая городские парки затяжными ливневыми дождями с пронизывающим ветром, который срывал зеле-

ные листья с поникших ветвей и гнал по мостовой вдоль бордюров. Маша затосковала по теплу, по кратковременному отпуску возле синего моря. Директор школы искусств бесцеремонно прервала ее отпуск и попросила выйти на работу на целых две недели раньше положенного срока, но кого это волновало. Решив в один момент изменить свою скучную жизнь, три дня назад Мария Пронина написала заявление об уходе, мягко положила его перед удивленным секретарем и ни о чем теперь не жалела.

– У меня соседка так в Израиль уехала к американцу на жительство, – Лора продолжала разговор, не замечая, что собеседница задумчиво смотрит в окно, – а у мужа на работе сотрудница получила вид на жительство в Германии, брак с немцем вовремя оформила, сейчас живет и радуется ...

В июне Марио написал странное послание. Просил у нее согласие на свой приезд в Москву. Маша не смогла ответить сразу, два дня нервничала, даже наведлась к сыну узнать его мнение, но Максим не захотел вникать в личные отношения родительницы, предложил решать все самой. Маша больше ни с кем не советовалась, хорошо подумала и согласилась. Через месяц потенциального жениха она встретила в Шереметьево. Сеньор Тонини оказался намного старше предоставленных фотографий, шел ему шестьдесят второй год, и, быстро подсчитав в уме, Маша определила свою молодость разницей в тринадцать лет. Вроде и немного, да только Лора и на этот счет, как всегда, поделилась своим мнением в откровенной форме.

– Машка, что ты с ним делать-то будешь? Он же старый!

– В смысле? – После отчетной художественной выставки, которая ежегодно предоставлялась высшему руководству в конце учебного года, Маша едва улавливала суть разговора.

– В сексуально-интимном смысле, Маш! Тебя что половая жизнь вообще не интересует?

И Лора воззрилась на нее негодующим взглядом широко распахнутых глаз с нарастившими ресницами. Маша неопределенно пожала плечами и в целях самосохранения попыталась перевести разговор на другую тему. После окончательного разрыва с первым и единственным любовником, она уже лет восемь прекрасно обходилась без половой жизни, но посвящать лучшую подругу в столь интимный секрет не хотелось, стоило побереечь и без того ранимую самооценку от беспощадной критики беснующейся Лоры.

Во время пребывания итальянского гостя в Москве Маша предложила ему отказаться от проживания в гостинице и любезно разместила Марио в своей однокомнатной квартире. Чтобы не смущать и без того стеснительного мужчину, ночевать уходила к соседке по лестничной площадке, одинокой старушке бабе Наде. События Маша не торопила. На работе заблаговременно взяла целую неделю отгулов, выслушав при этом нарекание от заместителя директора, и каждый день показывала гостю красоты и достопримечательности любимого с детства города. Языковой барьер они успешно преодолели в первый же день. Общались с помощью мобильного переводчика, ненавязчиво поправляя произношение и грамматику, при этом Маша в разговоре чувствовала себя намного увереннее, сказывались двухмесячные курсы по изучению итальянского языка, на которые она заблаговременно записалась при наличии свободного времени. Но увидев в аэропорту полуседую голову сеньора Тонини, его заметно оплывшую фигуру близкую к начальной стадии ожирения, Маша немного растерялась от достигнутого разочарования, и тут же растерялся весь ее багаж знаний, за который она с лихвой заплатила без малого тридцать тысяч рублей. Пришлось довольствоваться обыкновенными словами приветствия, и к своему стыду Маше нечего было добавить в ответ на долгий и красноречивый поток непонятного певучего языка. Но даже несмотря на языковой барьер, общение их состоялось. Легко, непринужденно, в меру галантно Марио Тонини увлекал неискушенную женщину в водоворот комплиментов, чередуя короткими поцелуями обеих рук и сопровождая свои высказывания выразительными взглядами жгучих глаз с густыми ресницами и только. А к моменту расставания оба знали, что понравились друг другу в большей или меньшей степени. В большей – Марио, а в меньшей самой Маше.

Трудно ей давалось объяснение заниженной степени, но и на этот раз ее выручила Лора. Сидя после отлета Марио в любимом кафе с большой кружкой капучино, подруга в лоб высказала свое ненавязчивое мнение.

– Был бы он хоть на пять лет моложе!

– Почему ты все меришь годами, Лора? – Маша старалась говорить сдержанно, не хотелось портить настроение.

– Ты не поймешь, – отмахнулась Лора, аппетитно облизывая чайную ложечку после сахара. – С молодым проще, поверь мне на слово. У твоего Марио года через два болячки посыплются как из дырявого мешка.

– Да? А мне не показалось, – задумалась Маша и вспомнила частую одышку итальянского визитера.

– У вас что-то было? – Лора наклонилась вперед, и под упругой грудью прогнулась столешница, глаза предательски заблестели в предвкушении чего-то острого и запретного.

– Нет. Не было. Я у соседки ночевала, – отрезала Маша.

– И о чем с тобой разговаривать...

Спустя три недели из Италии пришло официальное приглашение. Не спрашивая ее согласия, Марио решил сделать обворожительной сеньоре Марии подарок и пригласить в гости на все время, которое выделит им посольство. И тут она снова засомневалась, стоит ли продолжать знакомство с человеком, столь не подходившим к ее не сформировавшимся желаниям. Но Лора каким-то образом уговорила, образумила, настояла и так красочно обрисовала Мекку русских – Италию, что за короткий срок Маша собрала необходимые документы, сделала загранпаспорт, прошла собеседование и через десять дней получила визу сроком на три месяца. Марио расстроился, узнав о таком коротком сроке, но саму сеньору Пронину такой расклад устраивал вполне. Маша рассуждала здраво и последовательно. Если в Италии что-то пойдет не так, через три месяца она спокойно соберет вещички и вернется домой, а если ей захочется остаться, то второй раз визу продлят на более долгий срок. Оставался только Максим...

Последнее время сын отдалился от нее. Он больше общался с отцом, который не вылезал из хранилищ Третьяковской галереи, пытаясь закончить долгоиграющую диссертацию по теме русской живописи, то бросая ее по причине частых запоев, то продолжая в нередкие моменты протрезвления. Максиму шел двадцать седьмой год, вполне приятный возраст для чистых стремлений, воплощения намеченных идей и мечтаний. Но сын пошел в отца и половину своей жизни тратил на пустые изыскания и жалкие потуги, отшучиваясь от назойливых материнских приставаний, которые случались каждый месяц и заканчивались в основном обоюдными обидами, непониманием и отсутствием какого-либо стремления найти общий язык.

При всем желании познакомить сына с новым другом из Италии Маша отдавала себе отчет в нелепой ситуации, но в тайне полагалась на хорошее воспитание единственного отпрыска и простое здравомыслие. Максим фамилию не опозорил, на званый ужин пришел вовремя и не один, решил воспользоваться моментом и познакомить заблудшую мать с новой девушкой по имени Кристина. У Маши после этого двойного знакомства осталось противоречивое чувство, будто ее в чем-то обманули, как на вещевом рынке времен перестройки – вместо нового батничка подсунули растянутый, ношенный пуловер. Но и здесь на помощь пришла незаменимая мудрая Лора с ее примитивной философией.

– Хватит трястись над сыном, Маш, хватит! Он скоро четвертый десяток разменяет, а ты ему до сих пор в рот заглядываешь. Детей надо отпускать, как по весне птиц из клеток. Тебе самой без малого пятьдесят, пора и о будущей старости подумать...

И Маша думала, пока оформляла документы. На двадцатое сентября взяла авиабилеты Москва-Неаполь в оба конца, собрала объемный чемодан и позвала на посиделки верную подругу Лору.

– Вот сомневаюсь насчет дубленки, брать или не брать.

После ужина и прекрасного вина женщины второй час пересматривали собранный багаж. Лора, которая в отличие от Маши посещала солнечную Италию сто раз, опытным взглядом досматривала каждую тряпку и с таможенным пристрастием делила все на две кучи: можно – нельзя.

– Машенька, какая в Неаполе дубленка! Ты с дуба рухнула? Там солнце круглый год! Температура воды и воздуха почти одинаковая.

– Плюс пять? – В осведомленности подруги Маша никогда не сомневалась, но какая-то доля сарказма в голосе прозвучала. И Лора тут же загуглила в смартфоне погоду Неаполя.

– Вот смотри. Плюс двадцать пять температура воздуха и двадцать три градуса температура воды. Купальник возьми, а лучше два. – И она обворожительно улыбнулась белоснежными зубами.

– Значит, дубленку я оставляю? – не сдавалась Маша.

– Куртку теплую возьми и хватит. Там зимы холодной не бывает.

– Да, но вернусь-то я как раз в декабре.

– Вот когда вернешься, я тебя с дубленкой и встречу. Без проблем!

Самолет взлетел резко под самые облака, натужно ревя двигателями, набирая нужную высоту. Маша сидела возле иллюминатора, вжавшись в спинку кресла, вцепившись в подлокотники, и медленно восстанавливала дыхание, считая до десяти, сбившись три раза между цифрами семь и девять. Не любила она самолеты, никогда не любила. Все четыре часа полета каждой клеточкой спинного мозга ощущала те десять тысяч километров, которые разделяли ее с землей. Чтобы не довести себя до нервного срыва, Маша достала из кармана смятый листок и еще раз повторила приветственную речь для Марио и всех его домочадцев.

Сеньор Тонини овдовел тринадцать лет назад, считался завидным женихом, но по совету друга новую жену решил поискать за рубежом. Жил он вместе с сыновьями в большом двухэтажном доме, выстроенном дедом Лоренцо еще до войны. Вместе с ним проживали двое сыновей с женами и детьми. Всем хозяйством заведовала старшая сестра Марио – Карла. Имелся у нее муж и просторный дом, но после смерти невестки, заботу о брате и его семье Карла взвалила на себя. Не имея собственных детей, все силы она отдала на воспитание любимых племянников, которыми гордилась не меньше, чем родная мать.

Старшему Джулиано исполнилось тридцать шесть лет. Вместе с женой Паолой он работал в Королевском дворце Неаполя. По образованию оба художественные реставраторы, только Джулиано имел дело с гипсом и мрамором, а Паола считалась первоклассным специалистом по дереву. Всю неделю с понедельника по четверг семья жила в Неаполе у тещи, там же ходил в школу единственный двенадцатилетний сын Марко, а выходные проводили в доме отца, где на втором этаже им была отведена ровно половина всей площади.

Вторую половину занимал младший брат Франческо с женой Розой и пятилетней дочкой Пэскуэлиной. Это имя показалось Маше самым нелепым, которое только можно было придумать для маленькой девочки с черными, вьющимися волосами и такими же большими глазами как у деда. Но тайну имени раскрыл сам Марио. Внучка родилась в день Пасхи и только поэтому получила такое памятное имя, означающее буквально «ребенок пасхи». Франческо после окончания лицея помогал отцу в несложном строительном бизнесе, а Роза полдня проводила на почте, сортируя местную корреспонденцию и посылки.

Всю эту информацию Маша почерпнула из кратких сообщений под многочисленными фотографиями счастливого семейства. Оба сына Марио и внук Марко имели одну отличительную фамильную черту – высокий лоб и вихрастую жесткую челку. Джулиано превосходил всех ростом на целую голову, его догонял Марко – упитанный подросток с полными губами, доставшимися ему от матери. Паола с правильными чертами лица и миндалевидными глазами цвета темного шоколада смотрелась намного приятнее младшей невестки. Роза по сравнению с

ней казалась невзрачной, простенькой, со светлыми волосами на фоне пиковых Тонини походила на бледную моль, а цвет глаз имел светло-коричневый оттенок, почти песочный. Звучное имя к этой внешности не подходило. Словно ошибочный ценник с завышенными цифрами, прикрепилось оно к женскому облику, когда на самом деле товар стоило отпускать по более приемлемой цене, как Селия или Сусана. Зато малышка Пэскуэлина переняла черты обоих родителей. Огромные черные глаза на зауженном к подбородку кукольном лице казались еще больше и темнее, тая внутри жгучий, полный озорства, едва уловимый взгляд. Ореол курчавых волос на фотографиях приминался пышными бантами, но незначительно. Собранные в полные розеточки шифоновые ленты сидели на детской головке, как два тенистых мяча в обрамлении жесткой начесанной мочалки. Но взгляд Пэскуэлины говорил о многом – дьяволенок, сущий дьяволенок скрывался за милой улыбкой и нежными ямочками на загорелых щечках!

Еще у Марио имелся симпатичный вислоухий спаниель по кличке Ричи. Оба, и хозяин и пес, любили охотиться в албанских лесах рядом с небольшой деревенькой, где вместе со своей семьей проживал давний друг Тонини. Поздней осенью, когда охота на вальдшнепов была в самом разгаре, под крышей его дома собирались пять-шесть человек заядлых охотников. Сперва они вели тщательную подготовку амуниции и огнестрельного оружия, а после охоты под хорошее доброе вино с особым наслаждением поедали зажаренные на вертеле маленькие тушки несчастных птиц.

Но больше всего Машу пугала сестра Марио. На всех фотографиях женщина выглядела строго, без намека на улыбку и всегда в черном вдовьем платке при наличии живого мужа. С братом она не имела ничего общего, хотя черты лица у обоих выделялись крупными размерами. Но если с годами у брата они еще больше увеличились и расплылись, то у сестры сузились и иссохли. Даже полные губы, которыми природа награждала всех Тонини, у Карлы вытянулись по горизонтали и, опустившись книзу, плавно перешли в глубокие носогубочные морщины. Но все наблюдения Маша произвела лишь по фотографиям и надеялась, что весь негатив, проявленный при заочном знакомстве, исчезнет при знакомстве личном, а первое ошибочное мнение изменится, причем радикально.

Чтобы понравиться семейству и не вызвать у родственников явную неприязнь, Маша везла целый чемодан сувениров. Первый раз в жизни ей захотелось угодить всем, поэтому она тщательно продумала увлечения каждого члена семьи, но без Лориной помощи все-таки не обошлось. В ГУМе для старшей сестры Марио выбрали черную шаль с жостовскими мотивами. Для сыновей приобрели светлые галстуки, основываясь на предположении, что каждый уважающий себя итальянец в праздничные дни надевает строгий темный костюм, и такой подарок будет в самый раз. Двум невесткам Марио в «Русском фарфоре» Маша с неоправданной щедростью прикупила наборы чайных пар с гжельской росписью. Детям помимо сувенирных матрешек и медведей в красных шароварах Лора предложила приобрести в Третьяковской галерее красочные книги на итальянском языке с глянцевыми репродукциями знаменитых шедевров музея.

– Раз в семье есть художники-реставраторы, то и дети должны стремиться к прекрасному, – заметила невозмутимая Лора, когда Маша попыталась отстоять свое мнение и купить для маленькой Пэскуэлины фарфоровую куклу.

Еще в качестве общего подарка подруги выбрали льняную вышитую скатерть в наборе с ажурными салфетками. Лично для Марио в престижном магазине табака и кальянов Маша с особой тщательностью подобрала курительную трубку, в которой стаммель был изготовлен из средиземноморского бриара, а мундштук из слоновой кости. Трубка показалась Маше очень дорогой и красивой. Приметив, как в свой приезд Марио курил простенькую затертую трубочку, она в первую очередь определилась с подарком для него, а затем уже и для всех остальных. Трубку она оформила в сандаловую шкатулку и безмерно гордилась своей сообразительностью...

Нервозность не проходила все четыре часа перелета, и Маша уже не надеялась унять дрожь, пальцы предательски тряслись. Но на подлете к Неаполю самолет попал в зону турбулентности. Обшивка салона вибрировала каждый раз, когда авиалайнер проваливался в воздушные ямы, а пассажиры на одном вздохе произносили непередаваемые междометия. Животный страх за собственную жизнь быстро вытеснил легкий мандраж ожидаемой встречи, и на трап Маша вышла со спокойной совестью и радостной улыбкой, которая не сходила с ее лица с момента благополучного приземления вплоть до выхода из аэропорта.

Гостя из России прилетела в воскресенье, поэтому ее встречали все мужчины Тонини – отец и двое сыновей, за исключением внука. Позабыв от волнения все, что учила во время перелета, Маша приветливо улыбнулась, протянула руку для пожатия и проговорила только одно слово – ciao¹. Франческо аккуратно пожал женскую ладонь, при этом в его черных глазах промелькнуло явное восхищение, а сдержанный Джулиано одарил ее только кивком головы и протянул букет красных роз, так расточительно приобретенный в цветочном киоске аэропорта. Предоставляя место отцу, он тактично увел в сторонку ошеломленного брата. После сыновей Марио наговорил кучу комплиментов, два раза легко коснулся губами чуть дрожащей руки и, подхватив одну сумку из багажа, уверенно повел гостью к темно-синему минивэну.

Дорога петляла по гористой местности, вдоль обочин плотной стеной возвышались зеленые деревья. Италия встретила Машу пасмурно. Небо заволокло серыми, низкими тучами, и через время пошел дождь. Маша пожалела, что перед отлетом сдала в багаж плащевую куртку, надеясь на обещанное Лорой солнце и плюс двадцать пять. Вспоминая о багаже, она вздрогнула от сырости, непроизвольно сжала холодные руки. С благоразумной предусмотрительностью надев в поездку плотный полушерстяной брючный костюм, Маша мысленно восхваляла женскую интуицию, пытаясь заодно унять мелкую трусливую дрожь то ли от близкого присутствия Марио, то ли от пронизывающей сырости. А сеньор Тонини улыбался всю дорогу и не верил долгожданному счастью, что прекрасная Мария из далекой холодной России приняла его предложение.

– Ты устала, – повторял он по-русски едва уловимым шепотом, сидя на заднем сидении рядом с гостьей, словно признавался в тайной любви.

Но на этом его словарный запас закончился. Языковой барьер пугал Машу еще и раньше в Москве, а сейчас явилось очевидное прозрение, что общение, без которого ее приезд обретет лишь формальное пребывание в чужой стране, ляжет тяжелым грузом на ее хрупкие плечи. И вместо куртки душу грел планшет в придачу с мобильным интернетом.

– Как твое здоровье? – почти по слогам она прочла итальянский перевод.

– Хорошо.

– Как семья?

– Хорошо.

– Работа?

– Великолепно!

На этом беседа закончилась, и начался проливной дождь. Потоки воды бежали по дорожному полотну впереди машины, механические дворники не успевали очищать лобовое стекло от мутных ручейков. Вокруг стояла молочная пелена, и хотя старший Джулиано уверенно вел машину по узкой дороге, отец в целях безопасности велел сыну съехать на обочину и переждать ненастье.

– Тетя просила не задерживаться, – недовольно ворчал Джулиано, приглушая мобильное радио.

– Отец прав, дороги не видно. Куда ты хочешь ехать? На верную смерть! – вскипел Франческо и ладонью ударил по бампризу.

¹ привет

Между братьями завязался вялый спор, который мог погасить только отец.

– Прекратите! Не позорьте меня перед женщиной.

– Она все равно ничего не понимает, отец, – Джулиано улыбнулся в сторону гостя.

– И что с того? – разозлился Марио. – Можно говорить при ней всякую чушь! Она не настолько глупа, как ты думаешь.

– Ничего я не думаю!

– Нет, думаешь! Я по твоему лицу вижу, что она тебе не нравится.

– А почему она должна мне нравиться, отец?

– Тебе не должна. Главное, что мне нравится, понятно? И вы должны уважительно относиться к этой женщине, пока она будет жить в моем доме. Мы вчера это обсуждали, Джулиано, что непонятно?

– Все понятно, отец! Все хорошо! Смотрите, дождь закончился! Можно ехать дальше.

Вжавшись в сиденье, на протяжении всего разговора Маша тщательно пыталась выхватить из красноречивого потока хоть одно знакомое слово. Ее постигло полное разочарование. Лишь частое повторение *donna*² натолкнуло ее на мысль, что разговаривали о ней. Маша решила уточнить.

– Все хорошо? – поинтересовалась она у Марио, едва коснувшись мужской руки.

– *Va tutto bene*³. Все прекрасно! – поспешил он с ответом и, обхватив ее ладонь двумя руками, прижал к сердцу.

Дальше следовали молча, только из приемника звучала джазовая музыка, а на поворотах неприятно скрежетали тормозные колодки.

Маша жадно всматривалась в запотевшее окно, пыталась разглядеть красоты чужой земли. В поле зрения иногда попадались одинокие домики, покрытые красной черепицей в окружении высоких кипарисов. В основном дорога вела через ровно нарезанные сельские уголья пополам с цитрусовыми рощами и раскидистыми деревьями с бледно-серебристой листвой. Тучи низко проносились над землей, чередуясь с солнечными бликами, и лоскутное одеяло вспаханных наделов то темнело зелеными всходами, то светлело коричневой, почти желтой, взрыхленной почвой. Один раз попало стадо коров, а на развилке дорог, где Джулиано резко затормозил, пропуская автобус, Маша успела заметить табун лошадей, мирно пасущихся посреди кустов можжевельника. Почему раскидистые темно-зеленые кусты она приняла за можжевельник, так и осталось для нее загадкой, но такой вариант показался более живописным и привлекательным.

В ожидании гостя все женщины семейства Тонини собрались на большой кухне первого этажа за приготовлением обильного обеда. В печи томился суп минестроне из говядины, и по всем комнатам разносился дразнящий запах праздничной еды.

– Мама, скоро мы будем обедать? – В гостиной на широком подоконнике сидел сын Джулиано и приплюснутым носом от нечего делать водил по стеклу.

– Скоро, Марко, – отозвалась из кухни Паола. – Как только приедет русская. Поглядывай в окно и предупреди меня, если увидишь машину.

– Я все утро не отхожу от него, мама. – Марко нарочно выговаривал слова протяжно с воскресной ленью. – Из-за дождя ничего не видно.

Завершив по всему дому генеральную уборку, мимо окна прошла Карла, но внук остановил ее вопросом.

– Зачем бабушке эта женщина?

Чтобы не затрагивать щекотливую тему, Карла, пожав плечами, быстро удалилась на кухню. Но к двоюродному брату подошла малышка Пэскуэлина и с видом всезнайки пояснила:

² женщина

³ Все хорошо

– Дедушке нужна жена!

– Зачем? – Марко уставился на нее недоверчивым взглядом.

– Как зачем? Разве не знаешь, для чего Бог создал женщину? – Пэскуэлина невинно захлопала глазами, тут же ответив на заданный вопрос. – Чтобы детей рожать! Карла уже старая, она никого не родит.

– Карла родная сестра Марио, – отмахнулся от девчонки Марко. – Как она может брату родить ребенка?

– Не знаю. Сам у нее спроси. – И Пэскуэлина благоразумно отошла в сторону.

– Бабушка, а Лина говорит, что дедушка хочет жениться.

– Не болтай лишнего, мой сладкий помидорчик. Это тебя не касается.

– Я просил не называть меня помидорчиком, бабушка.

– Я как тебя называть?

– Никак. Просто Марко и все!

Они долго препирались, спорили, но никто не хотел уступать. Пэскуэлина заскучала и ушла в гостиную, чтобы в ожидании обеда приготовить для гостыи подарок. На чистом листе, вырванном втайне из школьного альбома Марко, она пыталась нарисовать синий цветок, увлеченно подбирала цветные карандаши, аккуратно раскрашивала лепестки замысловатого бутона, высунув от творческого процесса кончик языка и постоянно заправляя за ухо надоевшую прядь жестких волос.

– Почему этого ребенка никто не причесал до сих пор? – громко воскликнула бабушка Карла, чтобы ее голос услышали на кухне.

– Нам некогда, – снова отозвалась Паола. – Слишком много отец заказал блюд к обеду...

В суетной кутерьме никто не услышал шума подъезжающей машины. Марко, покинув наблюдательный пост, приставал к сестре с допросом, откуда у той появился альбомный лист, когда дверь бесшумно открылась и на пороге возникла незнакомка. Все женщины высыпали из кухни и, разинув рты, в полном молчании откровенно рассматривали долгожданную гостью.

Только благодаря зонту, который так любезно держал над ней услужливый Марио, Маша не успела промокнуть под проливным дождем по дороге к дому. От длительного сидения в самолете ее костюм слегка помялся, но прическа осталась безупречной – тщательно зачесанные пшеничные волосы были собраны в объемный шиньон, а розовая помада только подчеркивала серо-голубые глаза.

– Buon giorno⁴, – выдавила из себя Маша и приветливо улыбнулась.

Первая от ступора очнулась Карла. Губы ее искривились в легкой ухмылке, правая бровь изогнулась вопросительным знаком, а руки крючками сцепились на складках черной юбки.

– Что с вами такое? – За спиной смущенной гостыи показался Марио. Сыновья следом вкатывали на порог чемоданы. – Языки проглотили? Это Мария!

Невестки коротким «ciao» сдержано приветствовали красивую молодую женщину в элегантном брючном костюме, и только маленькая Пэскуэлина бросилась навстречу и сунула в руку гостыи подарок.

– Я Пэскуэлина. А ты?

– Мария. Маша.

Девочка попыталась произнести новое имя, но в таком сочетании шипящий звук неудобно застревал в горле, и Пэскуэлина, оставив тщетные попытки с наскока овладеть русским языком, громко и с твердым длинным «р» произнесла первый вариант. Маррия! Обстановка слегка разрядилась, прошло первое оцепенение, и Марио по очереди представил всех членов семейства.

⁴ Добрый день

Позже за обеденным столом Маша еще раз незаметно оглядела потенциальных родственников, с которыми предстояло общаться ближайšie три месяца, и сделала неутешительный вывод – семья ее не приняла. Тонкой душой она сразу уловила настороженность и затаенную враждебность, тщательно скрываемую за милыми улыбками. За обедом разговаривал только Марио и Джулиано. Первый что-то спрашивал, а второй всего лишь отвечал. Отец сидел во главе стола. Семья старшего брата расселась с одной стороны, младшего – с другой. По левую руку от главы семейства Тонини первая сидела Карла, по правую Джулиано, но отец потеснил старшего сына и усадил рядом с собой гостью, поэтому Маше весь обед пришлось просидеть под пристальным взглядом черных глаз старшей сестры. Когда кусок карпаччо застревал в горле, Маша запивала его глотком вина, и Карла сразу усмотрела в этом пристрастие к алкоголю.

Обед длился больше двух часов, Паола меняла на столе блюда, Роза – тарелки. Уставшая от длительного застолья Пэскуэлина первая попросилась выйти из-за стола, и Маша вспомнила о сувенирах. Для вручения подарков пришлось переместиться в просторную комнату с закопченным камином и главным достоянием деревенского дома – большим выдавшим виды ковром из овечьей шерсти. Даже с ограниченным словарным запасом Маше не составило труда вложить лично в руки каждому члену семейства персональный подарок, получив в ответ только «grazie⁵» и пару снисходительных улыбок. Подарок для Марио она решила придержать и вручить наедине.

Карла долго держала в руках тяжелую шаль с густой бахромой, но цвет основного фона – черный – ей понравился. Даже округлые выпуклые розы, раскрашенные столь удивительным сочетанием красок, которые она видела впервые в жизни, непроизвольно навеивали мысль тут же примерить подарок и покрасоваться перед зеркалом. Невестки незаметно посмеивались над смущенной родственницей, и только Марио открыто поддержал сестру.

– Карла, этот платок очень тебе идет. Примерь скорее, хочется посмотреть!

– Дома примерю. – Ее вытянутое лицо слегка дернулось. – Молода она для тебя, Марио.

– Что же в этом плохого? – усмехнулся довольный таким комплиментом брат, закатив глаза под потолок.

– Потом спохватишься, да поздно будет.

Карла засобиравалась домой. Прихватив подарок, с высоко поднятой головой она вышла из комнаты, и Маше показалось, что в эту минуту между братом и сестрой произошел непроизвольный разрыв. Ее уход послужил сигналом и для остальных. Марио никого не задерживал. И пока братья выискивали причину, чтобы вежливо ретироваться, Паола демонстративно сняла с себя коричневый кухонный передник и надела на шею гостье с явным намеком в качестве кого та принимается в семью.

В опустевшей комнате покинутый всеми Марио сидел в глубоком кресле и разочарованно смотрел на закрытую дверь, за которой последним скрылся любимый внук Марко. В такой неудобный момент Маша протянула ему гладкий, полированный футляр.

– Prego⁶.

Марио вскинул густые брови, дрожащей рукой принял подарок.

– О, Мария! Это великолепно...

Ей даже показалось, что в его глазах заблестели слезы. Он весь обмяк, поникшая голова с густой, волнистой шевелюрой свесилась на грудь. И в эту секунду в подвижном, жизнерадостном Марио, каким он показался ей в Москве при первом знакомстве, она отчетливо увидела усталого старика, скрывающего за неестественной бравадой ущемленное достоинство и первую горечь разочарования в обожаемых детях. Осторожно присаживаясь на узкий подлокотник

⁵ спасибо

⁶ Прошу

кресла, она провела рукой по широким плечам, заглянула в глаза. Страждущий утешения, Марио схватил ее руку, прижал к щеке и заговорил быстро, страстно, сплошным речитативом без запятых и точек, глотая окончания. Маша не понимала ни слова, но женская интуиция, которая в такие минуты крайне редко давала сбой, подсказывала, что сейчас нужно просто слушать.

Он рассказывал о жене, о своей любимой Бьянке. Ни с кем и никогда он не делился этой любовью после ее неожиданной смерти, даже сестра редко отзывалась на такие душевные разговоры, вечно придумывала какие-то дела, чтобы не выслушивать откровения родного брата. Карла прекрасно знала: Марио обладал слишком добрым сердцем и ранимой душой, но такие качества принимала за слабость и даже мягкотелость, несвойственные семье Тонини. Еще в детстве она прозвала его «картошечкой», потому что твердые и упругие на вид клубни после варки становились рыхлыми и мягкими, легко давились вилкой, превращаясь в картофельное пюре.

Марио вспоминал о счастливых годах, прожитых в родном доме, когда во всех комнатах звучал детский веселый смех. Тогда они жили дружной семьей, а вечно хмурая Карла, играя с племянниками по воскресным дням, улыбалась той очаровательной улыбкой, которая напоминая ему родную мать. Но те годы пролетели как один день. Сыновья выросли, обзавелись семьями, а Карла последнее время только ворчит и придирается к его невесткам по всяким мелочам.

– Ты сразу понравилась мне, Мария. – Он прижимал ее руку к сердцу, говорил судорожно, торопливо, словно боялся, что она оттолкнет его. – Твое лицо даже на фотографиях светится счастьем. Ты очень красивая женщина! В нашей деревне таких нет. Вы русские все красавицы. У моего друга жена из России. Он молится на нее, словно эта женщина сама Мадонна! Что я говорю... Я и сам готов молиться на тебя, Мария, лишь бы ты осталась в моем доме навсегда. Пусть дети живут сами по себе, они не будут нам мешать. Ты останешься со мной?

Он замолчал в ожидании ответа. Растерянно улыбаясь, Маша пожала плечами. Весь монолог прозвучал для нее красивой мелодией и не более того.

– О, Мадонна! Ведь ты ничего не поняла!

Возглас сожаления вырвался из его груди, но предчувствуя очередной бессмысленный монолог, как маленького ребенка она взяла его за руку и повела на кухню. За стаканчиком домашнего вина, обдумывая каждое слово, с помощью планшета гостя повела несложный разговор.

– Твоя семья должна привыкнуть ко мне. Si?⁷

Марио кивнул головой.

– Нужно дать им время. И сыновьям, и твоей сестре. Si?

Снова кивок головой.

– Не надо расстраиваться, пожалуйста. Через три месяца я уеду. Береги свое сердце. Они твоя семья, а я чужая.

– Нет! Ты мне не чужая. Мое сердце полно тобой. Я хочу жить ради тебя.

Стакан в ее руке дрогнул, и на лакированную поверхность стола пролилось несколько бордовых капель. Весь перелет Маша обдумывала именно те причины, которые побудили ее явиться в Сан-Стефано, и наивно полагала, что в первый день удастся избежать щекотливых вопросов о совместном будущем. В сорок восемь лет глупо надеяться на платонические отношения там, где чувствовалось половое влечение вперемешку с робкими признаниями в любви. И совсем нетрудно было догадаться, зачем шестидесятилетнему мужчине так скоропалительно знакомиться с более-менее молодой женщиной и тут же приглашать в гости на длительное проживание, что за всеми разговорами и милыми улыбками стоял очевидный сексуальный кон-

⁷ Да?

текст, который на расстоянии казался вполне безобидным и не вызывал столь явной неприязни. Но сейчас, когда фигурант находился от нее на расстоянии вытянутой руки, поездка вдруг стала принимать какую-то интимную подоплеку, пошлую и комичную одновременно.

Привычку бросаться в омут с головой Маша никогда за собой не замечала. В ее характере, особенно последние десять лет, больше прослеживалось длительное раздумье, тщательное взвешивание и сопоставление желаемого с действительным. И со временем, как пелось в одном старинном романсе, «усталых дум полет стал низок, и мир души безлюдней и бедней». Жизнь нещадно прибавала мечты к земле, делая их тривиальнее и прагматичнее, постепенно окрашивая восприятие окружающего мира в черно-белый цвет. И свой приезд в Италию она в первую очередь рассматривала, как внеплановый отпуск за свой счет, и не собиралась принимать никаких решений, касающихся совместной жизни с едва знакомым человеком, которого она видела второй раз в жизни. Не хотелось ей спешить настолько необдуманно, спонтанно и бесповоротно.

– Очень быстро, – Маша прочла ответ с планшета.

– Тебе нужно время? – догадался Марио и облегчено вздохнул.

– Sì! Tempo!⁸

– Я буду ждать вечность!

Все было понятно и без перевода. Улыбнувшись, она просто кивнула головой.

За окном давно наступил вечер. Шум дождя постепенно стих, и кухня озарилась матовым светом догорающего заката. Перед уходом Роза перемыла грязную посуду, жирные противни, тяжелые чугунные сковородки. Но коричневый фартук из грубого льна, так демонстративно повязанный Паолой на тонкую талию гостыи, Маша восприняла буквально и по-хозяйски осмотрела стол на предмет недомытой посуды. На подносе остались лишь тяжелые с толстым стеклом стаканы для вина, чем-то напоминавшие граненые, которые раньше подавались в поездах дальнего следования в подстаканниках, и тонкие круглые бокалы на длинной ножке. Она быстро освоилась с подачей горячей воды, с глубокой отбитой в нескольких местах эмалированной раковиной, где сначала в обильной пене замочила, а потом осторожно вымыла и поставила на просушку весь семейный «хрусталь» и «богемское стекло».

Из-за низкого расположения раковины спину немного потянуло, и, решив отдохнуть от праведных трудов, она под села к Марио за стол, где опробовав дорогой подарок и довольно пыхтя новой трубкой, он пускал под потолок серые кольца дыма. Запах табака Маше понравился, древесно-ванильный он ненадолго перебивал тот церковный сладкий аромат ладана, которым было пропитано итальянское жилище снизу доверху. Поначалу от него кружилась голова, но к вечеру запах приелся и не раздражал напоминанием о церкви.

– Ты устала?

Маша утвердительно кивнула головой, ей ужасно хотелось спать. Бессонная, нервная ночь перед вылетом, сам перелет и холодный прием семьи Тонини не прошли бесследно. Но больше всего без долгих объяснений и неуместной стыдливости ей хотелось уладить один щекотливый вопрос – где она будет спать. Марио словно прочел ее мысли. Повел гостью через комнаты в правое крыло дома, но перед широкой деревянной дверью, обитую по углам тонким железом, остановился.

– Это спальня моей жены.

Маша ничего не поняла, но по обстановке и той безупречной чистоте, которую источала даже хлопковая занавеска с грубыми кружевами, догадалась, о ком шла речь. Узкая комната окном выходила во внутренний двор. Возле правой внешней стены стояла довольно широкая, старинная кровать с резными набалдашниками по углам, под окном узкий стол с полированной поверхностью и один стул. С левой стороны умещался низкий двухстворчатый шкаф для вещей,

⁸ Да! Время!

за ним прямоугольный комод и овальное в серебряном обрамлении зеркало. Проход между кроватью и мебелью был не больше метра, низкий беленый потолок нависал почти над самой головой, и Маше показалось, что протяни она руку, и можно спокойно коснуться кончиками пальцев шершавой поверхности. На фоне белых стен темная мебель казалась почти черной и наравне с глубокой стариной отдавала еще специфичным запахом. Даже единственный стул с высокой резной спинкой с такой важностью выставил точеные ножки, словно на нем восседала сама неаполитанская королева.

Пока она знакоилась с обстановкой, Марио прикатил два чемоданы и объемный сак-вож. Слово «умыться» непроизвольно потонуло в женской памяти, и Маша показала жестом, чего она хочет. В конце темного коридора за филенчатой дверью оказалась превосходная, абсолютно новая ванная комната.

– *Buona notte, Maria.*⁹ – Напоследок Марио поцеловал тонкую руку и с глубоким вздохом удалился в свою спальню.

После теплого душа она блаженно вытянулась на свежих простынях, пропитанных все тем же ладаном, но уже терпимее и в какой-то степени безразлично для уставшего женского организма, вопиющего о долгожданном отдыхе. Проваливаясь в водоворот тяжелого сна без сновидений, Маша еще успела подумать о красивом доме, словно о табакерке с секретом, и тут же перед ней замелькали мрачные лица его домочадцев, но перед ними она испытывала не страх, а только странное чувство интеллигентной неловкости за то, что своим появлением невольно нарушила привычный уклад их жизни. Но и они казались ей на удивление исключительными так же, как висевшая в изголовье кровати хорошая репродукция Сикстинской Мадонны, а под ней католический крест из красного дерева с изящно вырезанной фигуркой Христа, оберегающего ее сон.

⁹ Спокойной ночи, Мария.

Глава вторая

Ранним утром Марио выслушивал от старшей сестры долгий нравоучительный монолог. Они сидел друг против друга за кухонным столом. Между ними стояла большая корзина со свежими яйцами, молодым салатом, сельдереем и артишоками. Карла каждое утро приносила с огорода сезонную зелень, а из курятника белые, еще теплые яйца, которые Марио любил пить на завтрак сырыми. Сестра первая начала неприятный разговор. После возвращения из России он ждал его каждый день в течение двух месяцев, но в глубине души Карла надеялась, что здравый смысл одержит верх над старческим слабоумием, и откладывала беседу до последнего дня.

Набивая табаком новую трубку, Марио внимательно слушал наставления старшей сестры, а она тихим голосом перечисляла все недостатки его избранницы, главным из которых считался возраст.

– Ты хочешь стать посмешищем, Марио? Мало тебе, что она иностранка, так еще и моложе на двадцать лет. Побойся Бога, брат! Она не успела переступить порог твоего дома, а по деревне уже поползли слухи. Через день нашу фамилию будут полоскать все кому не лень. Зачем нам такой позор, Марио? Пусть погостит немного, а через неделю отправь ее обратно.

– Ты преувеличила нашу разницу, Карла, но мне приятно. Ей сорок восемь лет, и свой возраст Мария не скрывает.

– Она выглядит намного моложе, Марио, – сестра согласилась уступить, – но ведь людям все равно, главное, что сплетни уже идут по деревне.

– И что говорят?

Карла смутилась. То, что говорили в деревне, не заслуживало особого внимания. Но ей очень хотелось привести весомые доводы, чтобы вразумить безрассудного брата, и Карла решила приукрасить безобидные сплетни досужих соседок.

– Говорят, что эта русская, если ты на ней женишься, лишит твоих сыновей наследства.

Марио рассмеялся, поперхнулся остатками дыма и закашлялся. Чего только не придумают люди!

– Они завидуют мне.

– Чему тут завидовать, брат? Сколько таких случаев. Или ты думаешь, она будет спать с тобой только из-за жалости!

Тяжелая ладонь звонко ударила по столу. Спаниель, спокойно дремавший в углу на подстилке, встрепенулся, пошевелил длинными ушами, пытаясь угадать: прозвучала команда «гулять» или просто показалось.

– Придержи язык, Карла! Тебя это не касается. Мне только шестьдесят, я полон сил. Кого я должен выбрать, по-твоему? Косую ведьму Аделину или горбатую Росину?

– Нет у Росины горба! – горячо зашпорил сестра, подскочив со стула. – Спина немного сутула, только и всего...

– Я не хочу больше ничего слушать, Карла. Уважай Марию, как мою гостью, больше мне ничего не надо.

– Пока здесь живет русская, моя нога не ступит на порог твоего дома, Марио!

Не дождавшись ответа, Карла торопливой походкой проследовала к выходу, и через секунду стукнула входная дверь. Этот стук окончательно пробудил гостью Тонини ото сна.

За утро она просыпалась несколько раз. Первый в шесть утра по московскому времени, в тот час, когда вставала на работу, и привычка, выработанная долгими годами, сыграла с ней злую шутку. Но вспомнив про разницу в два часа, Маше показалось неудобным будить хозяина в четыре утра, и сон навалился на нее с той сладостной негой, которая бывает как раз под утро. Спустя час ее разбудил шум проливного дождя, и Маша даже успела подумать, что в

устойчивой неаполитанской непогоде виновата она сама, а не европейский холодный циклон с затяжными дождями, долетевший на юг Италии из далекой Скандинавии. Ровно в семь часов она уловила рев машины и приглушенные голоса. В понедельник пораньше семья Джулиано уезжала в Неаполь, теперь они вернутся только в пятницу.

После многократных пробуждений Маша погрузилась в глубокий сон именно в тот час, когда рассвет набрал полную силу, и дождливое утро уступило место хмурому дню, но от глухого стука входной двери она резко открыла глаза и подскочила с кровати.

На кухне ее встретил Марио с большим кофейником ароматного напитка. Собственно, благодаря стойкому аромату обжаренных зерен она и отыскала кухню, немного поплутав после ванной по незнакомому дому.

– Buongiorno!¹⁰ Как спала?

– Хорошо. Очень хорошо.

– Кофе?

– Нет, спасибо. Я пью чай.

Растерянный Марио застыл с кофейником в руке. В семье Тонини все, кроме детей, пили кофе. Заварных чайных пакетиков ни в шкафу, ни в жестяных банках не оказалось. Карла уже лет десять как перестала тратить деньги на чайную пыль, которую продавали в магазинах Неаполя. А Маша по причине хронического гастрита давно отказалась от кофе, но чтобы не обидеть гостеприимного хозяина, ей пришлось выпить полчашки, предварительно разбавив крепкий напиток кипяченой водой. Из домашних яиц у нее на удивление получился пышный омлет с румяной корочкой, а овощной салат из свежей моркови, шпината и спелых помидор пришелся хорошим дополнением к позднему завтраку.

– У меня получилось? Я правильно делаю? Correttamente?¹¹ – спрашивала она с оборотистой улыбкой.

– Sì, – отзывался Марио, одобрительно цокая языком.

За окном накрапывал нудный дождь, огромные лужи увеличивались по всему подворью, и кроме спаниеля на прогулку никто не спешил. После завтрака Марио устроил для гостьи настоящую экскурсию. Вместо прихожей в доме имелась большая гостиная с камином, тремя креслами, низким столом и вешалкой. Из гостиной вели две двери: первая на кухню, которую Маша досконально изучила еще вчера, а вторая в соседнюю комнату, где располагались книжные шкафы, диван, овечий ковер и глубокие кресла. Два окна, завешанные тяжелыми, темными шторами, выходили на запад, и напрашивался вывод, что жаркими летними вечерами именно в этой комнате будет прохладно. Везде чувствовался качественный ремонт, словно сделанный ради ее приезда – свежеекрашенные стены без единого пятнышка, белоснежные потолки, натертые до блеска терракотовые полы. Когда же дошла очередь до хозяйской спальни, Маша и вовсе замерла на пороге уютной комнаты в необъяснимом восхищении. Помимо широкой кровати, которая стояла на возвышении, там находился вместительный шкаф с резными дверцами и огромный кованный сундук. Обстановка напоминала сцену из исторического фильма о семействе Борджиа, не хватало парчового балдахина и кроваво-красного ковра. Казалось, что вся мебель в доме имела налет антиквариата с запахом средневековья и была нарочно свезена сюда из музеев Ватикана.

– Мебель собирал мой дед, а потом отец, но мне это не интересно, – пояснил Марио на удивленный взгляд Маши. – Я строю бассейны, гаражи, теплицы. Завтра поедем с Франческо в соседнюю деревню. Будем разбивать птичник. Сегодня побуду дома с тобой.

– А можно зажечь камин?

¹⁰ Доброе утро!

¹¹ Правильно?

В дождливую погоду от каменных полов тянуло сыростью, и ей вдруг захотелось погреться возле открытого огня, воображая себя средневековой сеньорой богатого дома с армией слуг и маленьким чернокожим пажом в придачу. Маша живописным жестом обняла себя за плечи, демонстрируя жуткий холод. Через пять минут в камине полыхали дрова, а Ричи, вытянувшись прямо на полу, подставлял мокрый нос неожиданному теплу, слегка подпрыгивая задними ногами.

Из кухни появились графин красного вина и стаканы, затем большая тарелка с нарезкой сыра, ветчины, кисть темно-синего винограда и моченые оливки. Но выпить первый стаканчик за прекрасную гостью помешала младшая невестка, возникшая на пороге гостиной с дочкой на руках. С маленькой Пэскуэлины прямо по голым икрам и розовым сандалиям стекала дождевая вода, перепуганные глаза застыли черной вулканической лавой. Горячо извиняясь за неожиданный визит, Роза что-то быстро проговаривала свекру с явной просьбой в подтексте, но растерявшийся Марио категорично мотал головой, хотя женский голос звучал настойчиво.

Из разговора Маша ничего не поняла, но отчаяние слышалось в каждом слове, а внешний вид ребенка требовал срочного вмешательства.

– Что случилось? Problemi?¹²

– Sì! – Услышав от гостыи понятное слово, Роза вцепилась в него, как в спасательный круг, и зачастила скороговоркой. – Мне надо уйти на работу, а ребенка оставить не с кем. Франческо еще утром уехал за материалом. Я ходила к Карле. Ее тоже нет дома. Пока шли обратно, Лина упала в лужу, вся одежда промокла, а через пять минут я должна открыть почту. Если я опоздаю, меня уволят, а другой работы в деревне нет...

Из всего монолога Маша поняла только bambino¹³ и posta¹⁴. Она приняла девочку на руки, а несчастная мать побежала на работу.

Дед отставил стакан с вином и засуетился возле любимой внучки. Откуда-то принес сухие детские вещи, теплую вязаную кофту, возле камина просушил носочки и мокрые сандалии, на стуле развесил платье. Все действия Марио сопровождал нежной речью, называя ребенка самыми ласковыми прозвищами, какие только мог придумать. Лина-бабочка, Лина-цветочек, Лина-лучик солнца, Лина-стрекозка... Маша вслушивалась в плавное, тихое течение итальянского языка, принимая его как песню, и даже не догадывалась, что между ласкательными прилагательными у Марио часто проскакивали неаполитанские слова, которые остались в его памяти еще с детства. Пока дед с внучкой играли в ладошки, щекотали и весело шелкали друг друга по носу, а затем долго гладили темно-коричневую шерсть разнеженного возле тепла сонного спаниеля, Маша твердо решила во что бы то ни стало выучить этот удивительный, певучий язык, чтобы в будущем также как Марио ласкать перед сном своих внуков, убаюкивая их нежным звучанием непонятных, но таких красивых слов.

Возле камина она согрелась и уже заклевала носом, когда Пэскуэлина, устав от дедушкиной любви, метнулась к ней на колени и протянула атласную ленту, выпавшую из расплетенной косы.

– Так тебя можно звать Лина? – обрадовалась гостыя короткому имени, пытаясь заплести непослушную черную гриву в толстую косу.

– Sì, – отозвалась девочка, порывисто обхватив женщину за шею и чмокнув в обе щеки.

Смутившись от неожиданного порыва нежности, Маша обняла девочку в ответ, а Марио довольно рассмеялся. Внучка первая приняла его гостью, с детской непосредственностью выразив искреннюю симпатию.

¹² Проблемы?

¹³ ребенок

¹⁴ почта

Главную роль в установлении дружеских отношений с сыновьями и их женами Марио отводил внукам, но если Марко всю неделю учился в Неаполе, то Пэскуэлина всегда находилась под рукой. Детского сада в маленьком Сан-Стефано никогда не было. Дети до шести лет воспитывались дома под неусыпным присмотром матерей, многочисленных тетушек и бабушек. Роза с дочерью до трех лет сидела дома, а когда местный почтальон, старый Бруно, вышел на пенсию, изъявила желание устроиться на работу. Одна Карла поддержала странное решение невестки, но присматривать за малышкой Линой согласилась с большой неохотой.

Растить отпрысков Тонини ей было не впервой. Карле, как старшему ребенку в семье, родная мать доверяла младшего сына еще с пеленок. С десяти лет девочка умела пеленать, кормить, стирать марлевые подгузники и развлекать вечно орущего Марио с утра до вечера. Из-за него Карла с опозданием окончила среднюю школу, потом рано вышла замуж и сколько себя помнила, гнула спину на огороде, обеспечивая всю семью свежими овощами. После женитьбы брата вместе с его женой Бьянкой она самоотверженно выхаживала недоношенных младенцев. Джулиано и Франческо с разницей восемь лет по неведанным божьим законам родились почти одинаково – утомительно долго для отца и смертельно тяжело для матери. Свою бездетность Карла приняла смиренно, без малейшей доли сожаления, и всю невестребованную материнскую любовь поделила равными долями сначала между племянниками, а затем и между внуками Марио. Но старший Марко без сомнения стал ее любимцем, ее сладким помидорчиком. Он и рос розовощекий, с мясистыми сочными губами и вечно сонными глазами, без зазрения совести пользуясь добротой и безграничной щедростью старой Карлы. Только рядом с ним на ее лице появлялась счастливая улыбка, а в темных глазах вспыхивала искра былой любви. Но к маленькой Пэскуэлине бабушка относилась более сдержано, впрочем, как и ко всем женщинам Тонини, предназначение которых в ее понимании сводилось только к двум вещам – рожать детей и вести хозяйство.

Первая в семье Тонини после смерти Бьянки появилась Паола. Высокая, прямая, с короткой стрижкой и пронзительным взглядом она не понравилась Карле с первого дня знакомства. Джулиано познакомился с будущей женой на последнем курсе университета, а через год родился Марко. Паола, почувствовав враждебный настрой единственной женщины в семье, легко уговорила мужа пожить первое время у своей матери в Неаполе, пока появится возможность устроить сына в детский сад. Но не все шло так гладко, как распланировала умная Паола. После окончания университета Джулиано долго искал в городе работу, и предложение отца помочь в семейном бизнесе пришлось кстати. Ровно пять лет вместе с братом он строил теплицы и птичники, пока не пришла пора отправить Марко в первый класс. За это время Карла сильно привязалась к внуку и уже снисходительно принимала и короткую прическу Паолы, и ее наряды – джинсы с мужской рубашкой, которые деревенская жительница считала для молодой женщины неприемлемыми. Ее страшно огорчил сам факт взросления любимого помидорчика, когда Джулиано на семейном совете объявил, что Марко пойдет в школу в Неаполе. Карла довольно сдержано отнеслась к желанию родителей учить сына в большом городе, а не в соседнем Авеллино, где тоже имелась начальная школа. Теперь весь смысл ее жизни сводился к ожиданию выходных, когда родители привозили дедушке внука, а Карла, пользуясь моментом, за два дня так успевала закормить исхудавшего мальчика, что в понедельник утром на его поясе еле застегивались школьные брюки.

Через два года из соседней деревни Франческо привел в дом Розу, которая еще больше не понравилась старой Карле, потому что Паоле младшая невестка уступала во всем: и в росте, и в цвете волос, и даже голос ее не нравился сварливой тетке. Во время ссоры он срывался на высокой ноте, походил на мышинный писк, а к концу и вовсе сходил на нет. Еще имелся у Розы незаметный дефект в походке. Из-за родовой травмы ходила она, чуть заваливаясь на левый бок, словно сицилийская серая гусыня. Но Карле хватило одного взгляда, чтобы заметить так тщательно скрываемый недостаток и сравнить невзрачную внешность тихой Розы с водо-

плавающей птицей, что прозвище «гусыня» с легкой руки тетки закрепилось за несчастной невесткой с первого дня знакомства. А через полгода уже и вся семья повторяла за Карлой глупое прозвище, которое на удивление точно характеризовало не только внешний вид молодой женщины, но и ее умственные способности, ограниченные лишь мужем, домом и хозяйством. И если строптивая Паола гордо задирала свой подбородок на любое замечание Карлы, то скромная Роза спокойно выслушивала ее нравоучения и без лишней хитрости в точности следовала дельным советам опытной тетки. Такое послушание не могло остаться незамеченным. Не прошло и года, как Карла смягчилась к «гусыне», приняла под свое покровительство и первая узнала о беременности Розы.

Еще бабка Доната, прожившая ровно девяносто лет, рассказывала упрямой внучке, что не годится называть детей скверными прозвищами. По суеверным законам это прямолинейно влияло на судьбу ребенка, его характер и всю дальнейшую жизнь. Когда на Пасху родилась дочка Франческо, весь день над деревней гроыхали молнии и потоком лился дождь. На своем веку не помнила Карла такой разбушевавшейся стихии, а когда Роза, вернувшись домой с младенцем, развернула перед Паолой и сестрой свекра пеленки, то странным показалась Карле и смуглая кожа девочки, и иссиня-черные, жесткие волосы на маленькой головке. На следующий же день она пешком отправилась в Сан-Манго, чтобы помолиться Святому Стефанию и зажечь свечу. Но путь длиною почти в шесть миль, который раньше преодолевался легко и торжественно, на этот раз показался пожилой женщине утомительным, а главное, почему-то бесполезным. И хорошо взвесив свои силы, Карла на полпути вернулась обратно. Свое плохое самочувствие в несостоявшемся паломничестве она приняла за очередной знак свыше и с того дня еще больше стала присматриваться к дочери Франческо. А Лина, как назло, росла настоящим дьяволенком. Подвижная, эмоциональная, не знающая ни минуты покоя, девочка и другим не давала сидеть на месте. Роза дочку обожала, но к трем годам от непоседливой Лины устала и она, вакансия служащего на почте пришлась как нельзя кстати. С большим трудом ей удалось уговорить Карлу присматривать за внучкой те шесть часов, которые она просиживала в крохотной почтовой конторе.

Но за пять лет Карла все же приняла в свое сердце маленькую Лину и в тайне ото всех, и даже от себя, часто за проказы и повышенную активность называла девочку *diavoletto*¹⁵. А когда черты лица Пэскуэлины смутно напомнили ей девяностолетнюю Донату, богобоязненная Карла и вовсе поверила в переселение душ. И вспомнила она седые, жесткие волосы старухи, смуглую кожу, за которую соседки прозвали ее «*notte*»¹⁶, и скверный вздорный характер, что затаился в жизнерадостной Лине до поры до времени...

Утром после разговора с братом Карла вернулась домой мрачнее тучи. С порога накинулась на молчаливого Антонио. В отсутствие жены он прямо на кухне расположил садок с двухдневными цыплятами.

– Ты еще в постель бы их притащил, – ворчала она на мужа, заваривая крепкий кофе.

– В курятнике сыро. Дождь зарядил на всю неделю. Птенцы начнутдохнуть, – оправдывался Антонио, посматривая на суровую супругу.

Он был прав. На прошлой неделе пять пушистых тушек вымела Карла жесткой щеткой из птичника, а предстоящей зимой ей очень хотелось продать жирных, сочных курочек на рождественской ярмарке в Авеллино, но если оставить молодняк в курятнике, то за три дня от четырех десятков останется один.

С большой кофейной чашкой она присела возле кухонного окна. За омытым ночным ливнем прозрачным стеклом Карла недовольно посматривала на любимый огород. В одну ночь ровные грядки ревеня и базилика превратились в месиво из листьев и грязи. Спелые помидоры

¹⁵ чертенок

¹⁶ ночь

лежали прибитые к земле вместе с ветками, а любимые черные черри горохом рассыпались по всему огороду. Не радовали сердобольную хозяйку ни тыквенная ботва, скатанная ветром в одну кучу, ни ярко-красные гладкие перцы, вырванные с корнем из высоких, насыпных грядок. А ведь до приезда русской три недели светило южное солнце, и облака проплывали над благословенной неаполитанской землей без единой капли дождя.

Как только Карла вспомнила о госте Тонини, быстро вылила в раковину остатки любимого кофе, накинула на плечи теплый платок и, не обмолвившись с мужем ни единым словом, заторопилась к соседке, а вернее, к ее сыну. У Джуно имелся совсем новенький «фиат добло», приобретенный в прошлом году для транспортировки сыров и домашней ветчины в Авеллино. Утром заметила его Карла возле ворот и решила попросить соседа свозить ее в Сан-Манго. Давно хотела она помолиться Святому Стефанию, а последние события только утвердили ее в желании. Карла позабыла и мужа предупредить о поездке, и даже про внучку не вспомнила, хотя обещала младшей невестке посидеть с той после обеда...

Но Лина нашла себе новую няню с красивым именем Мария. Ей удавалось произносить его четко, не глотая последнюю гласную. А еще нравились пушистые волосы цвета карамели, которые Лина видела первый раз в своей жизни, добрые голубые глаза и заразительный смех. Никто так в деревне больше не смеялся – так звонко, весело и открыто – никто.

К возвращению Франческо из Неаполя они с Марией разрисовали целый альбом. Зачаровано следила Лина за остро отточенным карандашом, плавно выводившим многослойные линии, за тонкими пальцами с идеальным маникюром, которого не имела даже тетка Паола, за светлым локоном, ниспадающим на альбомный лист под самый кончик карандаша. И ближе прижималась девочка к теплому боку незнакомой женщины, все больше проникаясь к ней симпатией маленького преданного сердечка.

– Папа, папа, смотри, что мне нарисовала Мария! – Встретила она отца на пороге кухни.

Франческо весь день потратил на закупку материала для нового птичника в Лапио. Длинный список пришлось отоварить ему в самом Неаполе, а малогабаритный с низкими бортами фургончик загрузить под завязку. Он спокойно пил с Марио вино, подробно рассказывая о поездке, когда Лина в обнимку с альбомом ураганом влетела на кухню. За ней по пятам бежала красавица Мария.

При виде этой женщины он не испытывал той неприязни, которую стремился зародить в нем старший брат. С первой минуты знакомства она показалась ему очень красивой, и красота эта была хрупкой, завораживающей, почти неземной.

Вчера после обеда, когда братья вернулись в свои комнаты, Паола пригласила Франческо с Розой к себе, чтобы обсудить гостью и поделиться мнением по поводу последних событий. Для такого случая она заранее прикупила дорогого вина, сыр и фрукты.

– Он говорил, что ей сорок восемь лет! Вы заметили, как она молодо выглядит. Отец вас обманул! – разливая по бокалам янтарный мускат, старшая невестка первая начала непростой разговор.

– Какое нам дело до ее возраста, Паола. Пусть лучше будет молодая и красивая, чем старая и скупая, – возразил ей Джулиано.

Паола, не ожидавшая встретить отпор от собственного мужа, накинулась на деверя.

– А ты что молчишь, Франческо?

– А что я? – Тот пожал плечами и уставился на стол.

– Понятно! Она и вас успела окрутить, пока ехали домой. Распустили слюни, как мальчишки.

Не нравилось Джулиано, когда жена забывалась перед родней и показывала свое превосходство.

– Придержи язык, Паола! – повысил он резко голос. – Что ты от нас хочешь, это решение отца.

– Ты знаешь, что я хочу. – Жена поджала губы и чуть скосила глаза в сторону Розы. Та сидела бледнее снега, поджимая руками живот. Паола сразу заподозрила неладное.

– Что случилось, гусыня? Тебе плохо? Живот болит?

– Прихватило что-то. Наверное, ризотто переела. От риса мне всегда нехорошо, – оправдывалась Роза, смущенно глядя на Джулиано.

– Отпусти ее, Паола. Ей надо прилечь. Мы и втроем можем поговорить, – взмолился Франческо, заступаясь за жену.

После ухода Розы, старшая невеста уже не церемонилась.

– Она молода! И если успеет родить ребенка, то наследство вы получите на треть меньше, – уверяла она братьев. – Вам и сейчас немного достается. Даже половина этого дома и всей земли не достаточно, чтобы купить хорошую квартиру в Неаполе.

По смущенному виду брата и испуганным глазам самой Паолы Франческо догадался, что наружу произвольно вырвалась давно хранимая тайна.

О большой городской квартире с окнами на море жена Джулиано начала мечтать на второй день после свадьбы. Деревенская жизнь ей претила, как и само обширнейшее хозяйство, к которому ее безуспешно пыталась приучить сварливая Карла. До рождения сына умная Паола прикрывалась беременностью. Придумывала несуществующие недуги и физические ограничения, прописанные городским доктором из Неаполя. Но при виде теткиного огорода, не имеющего ни конца ни края, у несчастной Паолы и без того сводило судорогой живот и подкашивались ноги. Под неусыпным контролем Карлы она только научилась хорошо готовить любимые блюда мужчин Тонини и на этом ее обязанности в семье закончились. А после рождения Марко счастливая мать и вовсе возомнила о себе неизвестно что, поэтому Карле пришлось вернуться к печи и готовить не только для своего Антонио, но и для всей семьи младшего брата. Но Паола на этом не остановилась, через три года ей предложили место в реставрационной студии при неаполитанском Королевском музее, радость ее была безгранична, только заботиться теперь о маленьком помидорчике предстояло все той же Карле. Но та не роптала. Ребенок, с утра до вечера обласканный обожаемой бабушкой, купался в море безграничной любви и постоянного внимания. Через время в музее освободилось место скульптора, и Паола вспомнила о муже. К тому времени и Джулиано надоело работать на отца, получая в конце месяца символическую зарплату. Он мечтал о большем, не зря же считался на курсе самым одаренным художником, а заодно и самым красивым парнем во всем университете. Высокий, стройный, с черными глазами с паволокой Джулиано для многих девушек казался легкой добычей, но Паола всех смогла обойти, словно резвая лошадка на скачках Палио. Но ни красота ее избранника, ни его жаркая неутомимость темными, душными ночами не могли заставить Паолу отказаться от заветной мечты и в один прекрасный день переехать из Сан-Стефано в престижный район Неаполя.

Последние шесть лет она вела самый жесткий учет всех затрат, тщательно планируя будущую покупку собственного жилья. Но заработанные деньги быстро тратились, а накопления не торопились увеличиваться в размерах. Вот тогда-то, проконсультировавшись в юридической фирме, Паола разработала план быстрого и верного обогащения путем дележа имущества свекра. За половину дома и земельный участок, который Марио с годами забросил за ненадобностью, она смогла бы выручить неплохие деньги, но даже их было недостаточно для достижения заветной цели, и Паола заручилась поддержкой родной матери, пообещавшей финансовую помощь при покупке городской квартиры. С того момента она ненавязчиво внушала Джулиано собственную мечту, но делала это так умело и не торопясь, что уже через год муж и сам загорелся подобной идеей, полностью соглашаясь с женой в том, что в деревне их больше ничего не держало. Пришло время зажить своим домом, а для этого требовался сам дом или квартира...

– Так вы уже все подсчитали? – Франческо допил вино, собрался уходить.

– Постой, брат. Я могу тебе все объяснить. Ты поймешь меня. – Джулиано положил руку ему на плечо, обнял, привлек к себе. – Мы с Паолой работаем в городе, наш сын учится в

городе. Мы четыре дня в неделю живем у матери Паолы, тесня ее в крохотной квартире. Вывод напрашивается сам собой. Нам проще купить жилье в Неаполе, но у меня нет столько денег.

– Но где будем жить мы с отцом, если вы требуете половину нашего дома?

– Никто ничего не требует, Франческо! – Паола не могла долго оставаться в стороне. – Мы просто хотим найти решение этой проблемы. Дом останется за вами. Можно продать только землю, а за дом вы выплатите нам половину его стоимости после оценки.

– Где мы возьмем столько денег, Джулиано?

– Возьмите кредит, – ответила за мужа Паола.

– Кредит? Ты в своем уме, Паола? Кто сейчас берет кредиты?

– Не кричи, Франческо! Всем тяжело, но мы хотим жить в городе. – Джулиано похлопал младшего брата по плечу, словно уже все было решено.

– Ты говорил с отцом? – Франческо не мог поверить, что родной брат способен так легко лишиться его отчего дома.

– Нет еще. Боюсь, что он откажет нам. Ты должен поддержать меня, брат, и уговорить отца, если он воспротивится отдать мне половину имущества.

– Он воспротивится, Джулиано, можешь даже не сомневаться в этом. – Теперь младший брат хлопал по плечу старшего с явным участием и сожалением. – Ты опоздал, Джулиано. Если русская поселится в этом доме, отец ничего тебе не даст...

Вернувшись на свою половину, он подробно рассказал жене о хитроумном плане брата, не упустив того момента, что именно Паола являлась главным инициатором раздела имущества. Опечаленная таким поворотом событий Роза неожиданно растрогалась, расплакалась и, зажимая ладонями рот, чтобы не разбудить рыданиями в соседней комнатке спящую Лину, призналась мужу в двухмесячной беременности.

– Это мальчик, Франческо! Я чувствую!

Счастливым отец долго сжимал в нежных объятиях любимую жену, пока не стихли судорожные всхлипы, а глаза ее не высохли от слез. Три раза он клятвенно обещал Розе держать пока все в тайне и по ее просьбе даже перекрестился на распятие.

– Если отец узнает о нашем ребенке, он не захочет делить имущество. Во всяком случае, сейчас...

Теперь, сидя на отцовской кухне, он рассеяно слушал щебетание Лины, которая подсовывала ему под самый нос красочные рисунки зверей, но Франческо смотрел только на Марию. С приветливой улыбкой русская поставила перед ними глубокие тарелки с подогретым супом, нарезала пшеничный хлеб, полила густым оливковым маслом свежий салат из помидор, базилика и белого сладкого лука, крупно порезанного кольцами, а перед Пэскуэлиной выставила целую миску разваренного риса с молоком и медом. Она ничего не говорила, но ее плавные жесты, размеренная медлительность, невозмутимое спокойствие и едва заметный грациозный наклон головы к левому плечу утвердили Франческо в невысказанном превосходстве этой женщины на семейной кухне Тонини. А после возвращения Розы он и вовсе убедился в том, что всего за один только день пребывания в доме отца гостя завоевала его безграничное расположение, которым успешно пользовалась, не проявляя особых усилий.

За ужином две женщины пытались найти общий язык. Одна красноречивыми жестами сердечно благодарила за оказанную помощь с ребенком, другая не менее выразительными жестами объясняла, что ей не составило большого труда поиграть с девочкой, зарисовывая в альбоме зверей и птиц. Розу восхитили рисунки Марии, а Лина после ужина пыталась их повторить.

– Если надо посидеть с девочкой, я всегда рада помочь, – на прощание Маша прямо с планшета прочитала сложное предложение.

Она дважды ошиблась в произношении незнакомых слов, но Роза и глазом не моргнула, согласно кивнула головой, с благодарностью пожала протянутую руку.

– А как же Карла? – удивился Франческо. – Она обидится.

– Она уже обиделась, – пояснил Марио, закуривая новую трубку. – Еще утром заявила, что больше ноги ее не будет в моем доме.

– И ты не хочешь с ней помириться, отец?

– Пока нет. Каждый должен жить своей жизнью, Франческо. Или ты думаешь, я не заслужил такого подарка?

Перед сном сын долго думал над словами отца. Имел ли он права таиться от него, когда другие плели за его спиной интриги, подсчитывая стоимость недвижимости и мечтая поскорее ее поделить. Деревенская жизнь вполне устраивала спокойного и рассудительного в своих ограниченных желаниях Франческо. Он не гнался за длинным рублем, не стремился казаться умнее, чем был на самом деле, любил эту щедрую суглинистую почву, взрастившую в нем доброе открытое сердце и трудолюбивые мозолистые руки. Его вселенная зародилась в карих глазах Розы, а с появлением дочери расширилась до бесконечности с ярко вспыхнувшей звездой по имени Пэскуэлина в самом центре. Он не желал менять привычный уклад отлаженной жизни, и даже появление в доме русской женщины не так удручающе подействовало на него, чем признание родного брата отсудить у отца свою долю. После долгого раздумья Франческо решил при первом удобном случае поговорить с отцом о Джулиано, и может быть, вдвоем они найдут правильное решение.

– Она понравилась мне, – прошептала Роза перед тем, как закрыть глаза.

– Кто? – не понял Франческо.

– Мария. Она добрая и веселая, не то, что вечно недовольная Карла или заносчивая Паола. Лина просила завтра снова остаться с Марией.

– Ты с огнем играешь, Роза, – забеспокоился муж. Мало ему проблем со старшим братом, так теперь и тетка возненавидит их семью.

– Ты знаешь характер дочери, Франческо. Она будет с той, которая пришлась ей по душе. Сердце ребенка трудно обмануть.

– А, делайте, что хотите. – Во всяком случае, он попытался предотвратить неминуемую катастрофу.

– Ради Марии твой отец зажег сегодня камин, – улыбнулась в плечо мужа довольная Роза.

– Неужели? – от удивления он приподнялся на локте, пытаясь в темноте разглядеть песочные глаза.

Франческо легко мог пересчитать по пальцам те праздничные дни, когда отец позволял разжечь в доме большой камин. После смерти матери к нему не прикасались долгие семь лет, и только рождение внучки заставило Марио возобновить семейную традицию – воскресными вечерами собираться вместе и разводить благословенный очаг.

– Боюсь, твой отец настроен серьезно, Франческо. Эта женщина войдет в нашу семью...

Он так ничего и не ответил уснувшей Розе, только поцеловал в теплый висок и плотнее прижался к нежному телу. Из-за дождливой погоды в холодной комнате пахло сыростью, а в углу на потолке через толстый слой побелки снова проступили темные пятна плесени, которые появились прошлой зимой после первого в их жизни сильного снегопада.

Глава третья

На следующее утро Маша опять проснулась в шесть утра, но уже по местному времени. На кухне в медной турке с толстым дном Марио варил черный кофе, колдовал над омлетом толщиной в указательный палец, густо посыпая мелко нарезанным зеленым луком, руколой и тертым сыром. С его полных губ слетело хорошо знакомое «buongiorno» и «prigo», хозяин любезно приглашал к столу.

– Я проспала? – Маша с долей разочарование присела за накрытый по всем правилам деревенского этикета стол.

– No! Bellissimo!¹⁷

Откуда-то с полки Марио достал припрятанную вазочку с ярко-оранжевыми цветами и с довольной улыбкой выставил ее в центр накрахмаленной салфетки для создания отличного настроения и хорошего аппетита.

Цветы напоминали любимые бабушкины ноготки, выращенные ранней весной под окнами дачного домика в Подмоскowie. Над ними всегда роились пчелы и толстозадые шмели, а еще бабушка каждый день обрывала узкие лепестки с маслянистым запахом, высушивала на проветриваемой веранде, чтобы зимой вместе с липовым цветом заваривать от простуды.

Маше импонировало и по-детски наивные ухаживания пожилого мужчины, и его открытый, полный восхищения взгляд, и те легкие касания мягких губ к ее холодной руке с бледной, почти прозрачной кожей. Она отвечала улыбкой, а он не сводил счастливых глаз с красивого лица.

После завтрака Марио вручил ей деньги и список из двух пунктов – хлеб и чай. На вырванном из блокнота листе нарисовал подробную схему, как найти в деревне продуктовый магазинчик. С Франческо ему предстояло на целый день уехать в Лапио, отвезти материал и начать строительство птичника, а Маше очень хотелось подышать свежим воздухом, полюбоваться местными красотами и почувствовать ту притягательную силу несравненной Италии, о которой в последний вечер перед отлетом Лора прожужжала все уши.

В восемь утра на голубом безоблачном небосклоне сияло яркое солнце. После сумрачных комнат с низкими, давящими потолками бескрайняя голубая синь, залитая утренними лучами, казалась сотканной из чистейшего хрустала. Маша зажмурилась от дневного света и полной грудью вдыхала опьяняющий для городского жителя живительный эликсир благодатного края. Под ногами шуршал ракушечник, лужи за ночь успели высохнуть, а остатки воды ушли в каменистую почву. Возле распахнутых ворот оживал огромный куст розового олеандра, прибитые дождем густые соцветия стряхивали остатки влаги и тянулись к теплым лучам, источая дурманящий аромат.

Рядом с домом находился высокий навес, за ним небольшой сарайчик. Капитальный гараж долгие годы значился только в мечтах главы семейства Тонини, поэтому вся техника со строительными механизмами парковалась под навесом, основательно укрепленным деревянными столбами.

Франческо, пожелав Марии доброго утра, от смущения завел грузовик только со второго раза. Спаниель носился по двору за капустницей, щелкая в миллиметре от белых крыльев пастью, пытаясь сцапать легкую добычу, и все время жался к Машиным ногам, подставляя под руку мокрый нос и голову для поглаживания. А когда в ответ на воздушный поцелуй Марио она звонко рассмеялась, добродушный Ричи многократным лаем одобрил ее смех.

Вдалеке виднелись то ли небольшие горы, то ли высокие холмы, а лесной массив подступал к самой деревушке, тесня сплошь и рядом каменные строения к реке, так сильно обме-

¹⁷ Нет! Прекрасно!

левшей в засушливый сезон, что даже недавний дождь ни на миллиметр не прибавил уровень грязно-желтого ручья. Вдруг по воздуху разнесся глухой удар колокола далекой церкви, за ним второй. От неожиданности Маша вздрогнула, чуть присела и снова рассмеялась.

За отъезжающим грузовиком она по-хозяйски прикрыла тяжелые ворота из кованых прутьев, на улицу вышла через калитку. Низкий каменный забор, поросший мхом, тянулся вдоль проезжей дороги и резко обрывался. Его продолжением служили плотные заросли инжира, густо усеянного перезревшими плодами, которые нещадно склевывались птицами и падали прямо под ноги в дорожную пыль. Такое расточительство Маше почему-то не понравилось. Она хорошо помнила, как бабушка на даче билась за каждую сливу и червивое яблоко, собирая и перерабатывая на зиму все, что свисало с веток и лежало на земле.

В углу на кухне отыскивались плетеные корзины, и все утро ушло на сбор переспелого инжира. Плоды, объеденные птицей, и падалица игнорировались. Маша совершенно не осознавала, что будет делать с таким количеством урожая, но женская интуиция просто кричала: вари варенье! Сладкий инжир растекался во рту божественной амброзией, и наследственная бережливость просто не могла пройти мимо вопиющего безобразия. Маша опомнилась, лишь когда весь кухонный стол был заставлен корзинами с поздним урожаем.

Женское любопытство завело ее во внутренний двор, в любимую зону отдыха всего семейства, где теплыми вечерами за пустыми разговорами не спеша потягивалось вино, а по выходным устраивались праздничные обеды. Ухоженные клумбы обрамляли со всех сторон уютное местечко, соревнуясь друг с другом пышностью цветения. Удивляло то, что в Москве в конце сентября на городских клумбах уже ничего не цвело, а здесь благоухало в буйном росте. А после дождя целыми гроздьями наклоннулись остроносые упругие бутоны, обещая уже к вечеру распуститься до неприличия полукруглыми нежными лепестками. Над цветущей окантовкой порхали бабочки, жужжали пчелы и шмели. Не торопясь, со знанием дела и в четкой последовательности они обрабатывали цветок за цветком, с монотонным гулом создавая вокруг рабочую суету.

Посередине патио в окружении низких кресел из натурального ротанга стоял деревянный столик, приглашая отдохнуть в прохладной тени глицинии. Лиана длинными плетями повисла на белой перголе, образуя плотный покров из листьев, словно натянутый тент от ветра и дождя. За патио виднелись обширные земельные угодья с природной границей в виде невысоких насаждений. Земля, заросшая сорной, выгоревшей еще летом травой, гуляла под парами. Хозяйские руки давно забросили уставшую пашню, а грызуны вольготно пользовались свободным пространством, обустривая глубокие норы и размножаясь в неограниченном количестве.

Ричи, наблюдавший за полетом шмеля, вдруг подскочил с места и стремительно бросился в заросли пожухлой травы. Через секунду оттуда с пронизывающим писком выпорхнул жаворонок, а пес, звонко пролаяв ему вослед, довольный вернулся к новой хозяйке с перепачканными лапами.

– Ну вот, что ты за разбойник такой! Теперь придется лапы мыть.

Пристыженный Ричи покорно подставил шею для поводка. Предстояла увлекательная прогулка.

Провинциальная деревушка Сан-Стефано начиналась у самого подножия горы, где дома утопали в маленьких рощицах лимонных деревьев и олив. Кое-где возвышались раскидистые шапки одиночных пиний. Насыпная дорога вела на подъем, и Маша, ускоряя шаг, еле поспевала за вислоухим спаниелем. Дома, сплошь и рядом выстроенные из желтого камня, то плотно теснились друг к другу, то разбегались по улице в разные стороны, размежеванные густо засаженными садами и огородами. Но впереди каменные постройки лезли прямо на гору, нависали друг над другом и походили на театральные ложа. Дорога, вымощенная грубым камнем, на резком подъеме прерывалась удобными, широкими ступенями и вела мимо низеньких заборчиков прямо до поворота к небольшой площади, где в центре располагалась главная и един-

ственная достопримечательность Сан-Стефано – старинный колодец, дотированный чуть ли не двенадцатым веком. Но древность его так и не была подтверждена археологами из Рима, зато из-за отсутствия воды колодец закрыли гранитной плитой и для большей уверенности заварили тремя железными прутами. Теперь возле колодца каждое утро на низких повозках собирался импровизированный рынок, где продавали все – свежие овощи, сезонные фрукты, молоко, сыр, домашнюю птицу, рыбу.

Заблудиться в Сан-Стефано было невозможно, между домами все время петляла единственная дорога, как серпантинная лента в горах Кавказа. Послушный пес, радостно виляя хвостом, не пропускал ни одной лужи. Охотничий инстинкт упрямо тянул его намочить лапы, носом тщательно обнюхать поверхность мутной воды, так что с длинных ушей свисала намокшая волнистая шерсть, а за коротким хвостом тянулась влажная дорожка. Чтобы не дергать каждую минуту поводок, Маша отпустила его на максимальную длину, позволив Ричи крайние безумства и непристойные шалости. Но пес не давал расслабиться ни на минуту, все время тянул вперед, возвращался назад, путал ноги поводком и шараялся от хмурых котов, греющих спины под лучами осеннего солнца.

В немногочисленной деревне ей повстречалось всего несколько человек. Две пожилые женщины громко разговаривали на пороге дома, но заметив незнакомку в красных брюках и ярко-желтом свитерке, любопытными взглядами проводили ее до угла. За очередным поворотом, облокотившись на каменный забор, возле калитки стоял старик в темном пиджаке и дырявых кроссовках. Обомлев от облика незнакомой женщины, которая, тем не менее, тащила за собой хорошо знакомого пса, в знак приветствия он приподнял на голове приплюснутую кепку и улыбнулся. Такой знак внимания Маша проигнорировать не рискнула.

– Добрый день. – Она подошла ближе, приветливо улыбнулась.

И получив в ответ такую же улыбку, только без одного зуба, спокойно пошла дальше. Лишь после третьего поворота продуктовая лавка под названием «Fresco», что буквально означало «свежее», привлекла внимание окнами, увешанными цветочными горшками с раскидистой бегонией и ампельной петунией. На пороге стояла огромная корзина с оранжевыми тыквами. Крепко привязав поводок за металлическое кольцо в стене, Маша достала из сумки карманный разговорник и смело толкнула дверь.

Над головой тоненько зазвенели колокольчики. В тот же момент из боковой двери показалась курчавая голова, затем туловище молодого человека и вот уже удивленное лицо прямо перед Машей демонстрировало белозубую улыбку. В темно-синей футболке с красной надписью «pepsi» и обычных джинсах, затертых до дыр на коленках, юноша, возраст которого по причине обаяния итальянской харизмы, Маше никак не удалось определить навскидку, молитвенно сложил перед собой руки, а глаза закатил прямо под потолок.

– Добрый день, красotka! Каким ветром тебя занесло в наши края?

– Добрый день. Мне нужно, пожалуйста, хлеб и чай, – эту фразу Маша повторяла всю дорогу и произнесла на одном дыхании.

– Какой хлеб нужен, красotka? У меня три сорта: фокачча, кафоне и просто чабатта. Выбери, красotka! Меня зовут Лука. Ты откуда?

Маша растерялась как на школьном выпускном экзамене по английскому языку – все понимала, но сказать ничего не могла. От потока иностранных слов вошла в ступор, смутилась и почему-то покраснела. Но восприняв красноречивое *bella*¹⁸ в качестве комплимента, она уверовала в собственные силы и, открыв разговорник на первой же странице, где значилось «знакомство», сосредоточенно принялась выстраивать предложения.

– Я из России. Я Мария. Приехала в гости. Мне нужно, пожалуйста, хлеб и чай.

¹⁸ красotka

Но последнюю просьбу Лука пропустил мимо ушей. Все его внимание сосредоточилось на первых трех фразах.

– Ты русская! Прямо из России! Превосходно, красotka! И имя у тебя красивое – Мария! А у кого ты гостишь?

– Марио Тонини.

– У сеньора Тонини? Вот это да! Вот это новость. – Лука от восторга даже почесал затылок и прищелкнул языком.

На его громкий голос из той же боковой двери выглянула полноватая женщина в черном фартуке, завязанном два раза вокруг талии. От нее пахло сдобой и чем-то сладким вроде жженого сахара.

– Мама, иди сюда! Познакомься с Марией. Она приехала из России к сеньору Тонини.

– К какому Тонини? К Марио? – В один момент женщина выскочила из-за прилавка, словно ее толкнули сзади, и объемной фигурой заполнила все свободное пространство. – Святой Стефано! Какая молодая! Добрый день, Мария, я Лучиана. Что вы хотите? У вас спиксок? – Наметанным взглядом она заметила исписанный листок. – Хлеб! Возьмите кафоне. Это самый вкусный хлеб Кампании. Лучше не найдете. И чай, – схватив с полки ярко-зеленую коробочку, Лучиана протянула ее прямо под нос покупательнице. – Очень ароматный чай из Индии! Понюхайте!

Пока Маша оплачивала покупку, женщина метнулась за дверь и вынесла бумажный пакет с ароматом свежей выпечки.

– Это подарок. Передавайте привет Марио.

Оба, мать и сын, вышли проводить гостью прямо на порог, где Маша чуть не столкнулась с маленькой шуплой старушкой, одетой во все черное – юбка ниже колена, теплая кофта, застегнутая на все пуговицы прямо под горло, платок на голове, подвязанный под острым подбородком. На какой-то миг Маша приняла ее за Карлу, но согнутая спина и обточенная гладкая палка вместо костыля развеяли сомнения.

– *Mi scusi, signora*,¹⁹ – извинилась она, одаривая старушку широкой улыбкой, та молча посторонилась.

На обратном пути старик в приплюснутой кепке уже поджидал ее возле калитки.

– *Bella donna, bella donna*,²⁰ – замахал он рукой, стоило только Маше с ним поравняться.

– Вы меня?

– *Si, bella donna*, – повторил старик и протянул полный кувшин парного молока. – *Prego, prego*.

Маша приняла кувшин, из кармана достала деньги, но старик замотал головой и скрестил перед собой руки, давая понять, что ничего не возьмет.

– *Grazie mille*.²¹ Я Мария.

– *Sono Alfredo! Molto lieto*.²²

– Очень приятно, – повторила она и протянула руку.

Алфредо слегка удивился, но не протянутой руке, а тому факту, что красивая женщина захотела с ним познакомиться. Он отложил в сторону изогнутый костыль и двумя руками поприветствовал *bella donna*.

Когда она вышла на базарную площадь, где так хотелось посмотреть товар, там осталась всего одна тележка с овощами и зеленью. Мужчина средних лет в пиратской бандане и плаще-

¹⁹ Простите, сеньора.

²⁰ Красавица.

²¹ Большое спасибо.

²² Я Алфредо! Очень приятно!

вой куртке перекладывал нераспроданные тыквы в емкие коробки, насвистывая под нос знакомый мотивчик.

– Добрый день. – Ее внимание привлекли баклажаны белого цвета и желтые огурцы с шипами. – Я Мария!

– Sono Bartolo! Buon giorno, bella donna.²³

Но Маша не смутилась под пристальным взглядом черных глаз, а комплимент приняла как местное обращение к незнакомой женщине. Быстро заглянув в разговорник, спросила:

– Что это?

– О! Это очень вкусно!

– Как готовить?

– Просто! – И Бартоло принялся жестами показывать весь сложный процесс приготовления овощного рагу. И странное дело, почти без единого слова Маша поняла все вплоть до ошпаривания крутым кипятком тонкокорых помидор и вычищения жестких семян из желтых, дикобразных огурцов.

С жонглерской ловкостью Бартоло отправлял в целлофановый пакет черные черри, красный перец, репчатый лук, шпинат, целую жменью сладкой стручковой фасоли, а от себя добавил пузатый, белоснежный баклажан.

– Спасибо огромное, спасибо, – повторяла Маша, давясь от смеха и заливаясь алой краской от восхищенных возгласов услужливого продавца.

Дома первым делом она затащила Ричи в ванну и хорошенько отмыла грязные конечности, включая уши и хвост. Купание спаниелю понравилось, особенно ополаскивание теплым душем. Укутанный в махровое полотенце после водных процедур пес с превеликим удовольствием расположился на мягком кресле и позволил себе вздремнуть.

С чувством выполненного долга Маша вскипятила воду, заварила черный чай и с любопытством открыла пакет Лучианы. Кухня наполнилась новыми запахами: розмарин, гвоздика, шалфей, все смешалось в воздухе, да так, что слегка закружилась голова, а Ричи, высунув из полотенца нос, судорожно втянул дразнящий запах. Продолговатое печенье с молотым грецким орехом и изюмом таяло во рту. Посыпанное сахарной пудрой на самом деле оно оказалось совершенно несладким, но таким вкусным, что разыгравшийся аппетит требовал добавки, пока пакет заметно не уменьшился в размере.

Где-то из глубины комнат доносились музыкальные трели. Мелодия казалась до тошноты знакомой и навязчивой, а в руках чего-то не хватало, чего-то привычного, неотъемлемого, ставшего частью тела, продолжением руки. Телефон! И спустя пять минут непрерывного повторения легендарной «Besame mucho», Маша спохватилась и побежала в спальню на розыски смартфона.

Сын звонил всего один раз, а Лора тридцать семь. Ей не терпелось узнать все до мельчайших подробностей в красочных описаниях и интимных откровениях. Маше пришлось уступить и потратить целый час сначала на душевные излияния, затем на выслушивание рационализаторских предложений и дельных советов. Лора била все установленные рекорды, поучая женским хитростям, чтобы произвести на Марио эффект разорвавшейся бомбы и поразить прямо в сердце. Сознательно Маша обошлась без лишних откровений о первом вечере, когда сеньор Тонини практически предложил ей остаться в его доме навсегда, предвидя вопрос: а в качестве кого, собственно? Лора никогда не останавливалась на достигнутом и обязательно спровоцировала бы ее своими умными советами сделать что-то глупое, из ряда вон выходящее.

За разговором глухой стук входной двери остался без внимания, а по гостинной плитке протопали детские ножки. И только упоминание собственного имени вытащило Машу из телефонной трясины.

²³ Я Бартоло. Добрый день, красавица.

– Лора, я перезвоню!

На пороге спальни в розовой кофточке с диснеевским Микки Маусом по всему покрою и в сандалиях на босу ногу, но почему-то без юбки и привычных колгот, стояла Лина.

– Мария! Я ушла от Карлы! – В подтверждение своих слов девочка показала сначала на себя, потом два пальчика пробежались по воздуху перед самым носом Маши, и прозвучало имя Карла. – *Carito?*²⁴

– Поняла, – вздохнула Маша, усаживая к себе на колени дрожащую Лину. – Убежала. А юбка где?

Та только отмахнулась рукой, обхватив за шею добрую Марию, прильнула к ней худым тельцем и сразу же перестала дрожать...

Все утро из своего окна Роза наблюдала за русской гостьей. Проснувшись еще до рассвета, она долго лежала с открытыми глазами, раздумывая над словами Франческо, и та смелость, с которой она вечером так уверенно объявила мужу о желании привлечь Марию в качестве няни Пэскуэлины, с первыми проблесками восхода полностью испарилась. Более того, в доброе сердце Розы закрался испуг, а за ним малодушное сомнение – стоит ли и дальше поддерживать дружеские отношения с русской или, как советовала Паола, проходить мимо, не обращая на нее внимания.

Выждав время, она удостоверилась, что Мария ушла со двора, и решила до работы отвести Лину к бабушке. Карла встретила невестку на удивление вежливо, предложила кофе и нежный козий сыр, который покупала у соседа. Ей очень хотелось узнать последние новости, выяснить, что творится в доме брата после ее ухода, но Роза спешила на работу и толком ничего не рассказала. Сделала ли она это специально, чтобы не вызвать лишнюю неприязнь, или на самом деле ей нечего было сообщить любопытной тетке, но от кофе она любезно отказалась и, оставив рюкзачок с детскими вещами прямо на пороге кухни, поспешила уйти.

Чтобы не повстречать Марию, она отправилась на почту другой дорогой. Незаметно прошла через соседский двор Аделины Грава, одинокой, пожилой вдовы, которую Карла так упорно сватала в жены младшему брату, аккуратно пересекла маленький огородик с грядками перезревшей фасоли и между кустами инжира вышла на параллельную улицу. И лишь за стойкой своей маленькой конторки Роза облегчено выдохнула, поправив на плече тугую бретельку хлопкового бюстгальтера. Какого же было ее удивление, когда ровно через два часа на почту ворвалась раскрасневшаяся от быстрой ходьбы Карла.

– Твоя дочь сбежала от меня, Роза! Я видела, как ее пятки мелькали по дороге. Этот дьяволенок улепетывал к русской без юбки. Вот ее вещи. – Она швырнула детский рюкзачок на стойку и с перекошенным от злости лицом уставилась на онемевшую невестку. От неожиданности Роза ничего не могла сказать, только хлопала ресницами, а привычная улыбка медленно сползала с бледного лица.

– Как ты назвала мою девочку, Карла? Дьяволенок! – Впервые за пять лет мать услышала страшное прозвище своего ребенка, и любящее сердце зашлось от обиды. – Ты назвала пасхального ребенка дьяволом?

Она обошла стойку и, упираясь руками в тощие бока, медленно приближалась к притихшей тетке. Карла благоразумно отступала, пятясь задом к двери.

– Старая, сварливая склочница! Кого ты любила кроме себя! Убирайся отсюда, пока я глаза тебе не выцарапала, – Роза кричала так громко, что одинокие прохожие с любопытством останавливались возле дверей почты и ловили каждое слово.

Ошпаренной курицей выскочила Карла из конторы и под удивленные взгляды соседок заторопилась домой. В Сан-Стефано проживало всего пятьдесят шесть человек, вечером вся деревня будет перемывать ей кости. И все из-за этой русской. Будь она проклята!

²⁴ Поняла?

А возле собственной калитки ей повстречалась горбатая Росина, с которой Маша столкнулась на пороге магазинчика Лучианы.

– Родного брата оставила без хлеба, – язвительно проговорила Росина. – Гостя Марио сегодня утром купила в лавке Лучианы кафоне. Где твое гостеприимство, Карла? Что о тебе люди подумают?

– Пусть думают, что хотят, мне все равно, – вспылила бледная Карла, присев на камень. Что-то кольнуло в левом боку от быстрой ходьбы, а желчная горечь подкатила к самому горлу. – Что тебе надо, Росина?

Но соседка молча затужила под подбородком платок и недовольно покачала головой. Тяжело опираясь на палку, мимо поросшего мхом каменного забора она заковыляла вниз по улице, где у самой речки под высокой пинией расположился ее низенький домик. Каждый год весенним паводком, а особенно в дождливую зиму, он подмывался вместе с птичником и крошечным огородом, на котором Росина гнула сутулую спину, пытаясь по весне вырастить первую зелень, а летом сладкие томаты и кабачки. По этой же причине дом с перекошенной крышей из года в год все больше походил на свою хозяйку – горбился и одним боком пригибался к земле.

Карла смотрела ей вслед, пока не восстановилось дыхание, а черные, порхающие перед глазами бабочки не растворились в воздухе. Знала она, к чему клонила горбатая Росина. Многие в Сан-Стефано не любили Карлу, хотя она никому не желала зла. Всегда одна из первых являлась на свадьбу или похороны, без приглашения становилась к плите и помогала – не за слова благодарности, а из уважения к людям – готовила сразу на сто человек, а после торжеств также усердно перемывала посуду и уходила домой с чувством выполненного долга. Что теперь люди подумают? Даже Пэскуэлина взбунтовалась против нее, разбив чашку с молоком, хоть и нечаянно, пока Карла пыталась расчесать запутанные волосы. Пришлось менять испачканные колготки и юбку, но в подходящий момент, пока одна искала в рюкзачке сухие вещи, другая так рванула со двора, что только пятки засверкали. Пусть теперь у русской голова болит от этого дьяволенка, а у нее есть Марко, ее любимый помидорчик...

По всему дому сеньора Тонини разносились такие дразнящие запахи, что маленькая Лина дважды прибежала к Марии на кухню и через толстое стекло заглядывала в духовой шкаф, проверяя, не подгорела ли на овощной запеканке золотистая корочка моцареллы. После выпитой огромной чашки молока и печенья Лучианы, от которого не осталось ни крошки, Лина занялась спаниелем. Мягкой щеткой она увлеченно расчесывала гладкую, волнистую шерсть Ричи, старательно вычесывая свалявшиеся калтухи. Пес терпеливо переносил детскую заботу, пока Лина по неосторожной случайности не наступила ему на хвост. Вырвавшись из цепких объятий, бедный спаниель забился в гостиной под диван и ни за какие коврижки не хотел оттуда вылезать.

За приготовлениями к ответственному процессу «вареньяварения», как называла его бабушка, Маша упустила момент возвращения Марио. И тем сильнее было его удивление, когда посреди кухни он обнаружил стол, заставленный корзинами с перезревшим инжиром и Марию с вытянутым лицом от неожиданного появления хозяина. И только Пэскуэлина с испачканными сладким сиропом щеками выражала твердую уверенность в острой необходимости всего происходящего.

– О, Мадонна! Что здесь творится?

– Мы варим варенье, дедушка! Хочешь попробовать? О-о-очень вкусно. – Лина облизала ложку и протянула ее Марио.

– А кроме варенья что-нибудь есть? Мы с дедушкой ужасно проголодались. – За широкой спиной отца показался Франческо.

– Мария приготовила овощную запеканку. Чувствуешь запах, папочка?

В той подчас скудной, деревенской жизни, которая мало насыщена житейскими радостями и сводится в основном к однообразной, сезонной работе, семья Тонини имела одну характерную особенность – все, от мала до велика, еще с утра думали о позднем обеде. Каждый из них обладал личным пристрастием, имел любимое блюдо, гастрономические изыски и стремился внести свое предложение в обеденное меню, которым испокон веков заведовала Карла. Какой бы ни начался разговор между двумя Тонини, заканчивался он обязательно обсуждением или прошедшего обеда, или ожидаемого. Все семейство проводило день в предвкушении чего-нибудь необычно вкусного и легко усвояемого. И тем скорее стремились они закончить работу, чтобы явиться к обеду вовремя и еще с порога кухни по запаху определить главное блюдо дня.

– Пахнет приятно. – Франческо со свистом втянул ноздрями воздух, чем смутил Машу, и также протяжно выдохнул. – Знакомый запах. Что это?

– Это запах моих любимых баклажан. – Марио под пристальным взглядом внучки звонко поцеловал женскую руку. – Ты просто волшебница, Мария!

На голос хозяина прибежал радостный Ричи, оглушая всех присутствующих громким лаем. Его вымытая, расчесанная шерсть лоснилась от блеска, а пушистый хвост походил скорее на беличий, чем на собачий.

– Святая Мадонна! – изумился Марио. – За семь лет не видел такого красивого пса. Вы что с ним сделали?

– Ничего. Только вымыли и все!

Пока Пэскуэлина, усевшись к деду на колени, вела оживленный разговор, пересказывая события прошедшего дня, Маша спокойно освободила часть стола от корзин с инжиром, постелила накрахмаленную скатерку и быстро расставила перед мужчинами столовые приборы. В посудном шкафу отыскались белые тарелки, вилки, ножи, граненные стаканы для вина и само вино в широком графине с изогнутой, узкой горловиной. В плетеной хлебнице она выставила нарезанный ломтиками кафоне с хрустящей корочкой и целую миску свежей зелени с молодым луком. Отец с сыном только молча переглядывались, посылая друг другу немые вопросы, потому что тарелки Маша, конечно же, перепутала и по незнанию взяла не повседневные, а праздничные с золотым напылением по окантовке. А когда из духовки появился глубокий противень с овощным рагу, залитым моцареллой, Марио и вовсе грешным делом понадеялся на примирение с Карлой, потому что только она могла принести в его дом свежие овощи и зелень.

– Я купила это у Бартоло, – пояснила Маша, заметив удивленные взгляды мужчин.

– У какого Бартоло? – Франческо едва разобрал ее произношение, но имя услышал четко.

– На голове бандана. – И она демонстративным жестом повязала незримый платок на свою голову.

– Отец, это Бартоло Кочетти! – Франческо от возбуждения даже бросил вилку на стол.

– И что с того? – Марио втягивал носом дразнящий аромат. Ему хотелось есть.

– Как что с того? – не унимался сын. – Этот заносчивый Бартоло в прошлом году чуть не развалил наш каменный забор в конце ограды. Со всей дури въехал в него своей повозкой! После того случая Карла перестала покупать у него овощи.

– Где ты видишь Карлу? – при упоминании имени сестры теперь вспылил и Марио. – Она отказалась приходить в мой дом. Кто теперь будет выращивать овощи? Ты? Или Роза?

Франческо опустил взгляд. Нет, заниматься огородом ему совсем не хотелось. Пусть лучше женщины возьмется с укропом и помидорами.

– Уще я ела сегодня печение Лучианы с козьим молоком. Очень вкусно, папочка! – вовремя похвасталась Лина, словно поджидала удобного момента. – Карла никогда не поила меня таким вкусным молоком.

– Откуда молоко? – поинтересовался уже Марио, указывая на пустой кувшин.

Мария растерялась, почему-то смутилась и принялась лихорадочно вспоминать имя старичка в примятой кепке, которое по естественным причинам всего нового и незнакомого вылетело у нее из головы.

– А... Алье...

– Алфредо?

– Да! Алфредо!

– Алфредо Бренцони! – захохотал Франческо, похлопывая отца по плечу.

Пришло время смутиться Марио. Даже сквозь двухдневную щетину проступили красные пятна.

– Что за глупости, Франческо? Что подумает о тебе Мария? К чему этот смех!

– А ты расскажи ей про Беттину, – предложил сын, незаметно подмигивая взволнованной Маше.

Но она улыбалась такой обескураживающей улыбкой с намеком на полное непонимание всего разговора, что Марио облегченно вздохнул и мысленно поблагодарил Святую Мадонну за ниспосланное счастье.

После шести часов Роза влетела на кухню и набросилась на Пэскуэлину. Девочка стояла на высокой табуретке возле самой плиты, сосредоточенно помешивая в медном чане густое варенье. Хитрая Лина, хоть и значилась пяти лет отроду, но даже в таком возрасте смогла предугадать, как отреагирует мать на ее выходку с Карлой. Отца, который боготворил дочь с утра до вечера, втайне от жены прощая все шалости и проступки, Лина не боялась. Но мать вызывала в ее мятежном сердце противоречивые чувства, и наравне с безграничной любовью закрадывался панический страх, от которого девочка никак не могла избавиться.

Роза знала о легкомысленном попустительстве мужа, поэтому непростое воспитание Пэскуэлины полностью легло на ее плечи. Но женское сердце подсказывало, если дочери позволить безграничную свободу и все время закрывать глаза на неоправданное поведение, то через несколько лет никто не справится с упрямой девчонкой. Многие ей прощались, но такого открытого протеста как сегодня Пэскуэлина никогда не допускала.

От неожиданного появления матери Лина непроизвольно вжала голову в плечи, с надеждой посмотрела в сторону отца, надеясь на его защиту. Но Мария первая заслонила ребенка и выразительным взглядом пригласила Розу к столу. Та присела на стул и сдулась, как воздушный шарик. Весь гнев, душивший ее целый день после ухода Карлы, улетучился в одну секунду, на глазах появились слезы.

– Что стряслось? На работе неприятности? – встрепенулся Франческо.

Маша поставила перед Розой чистую тарелку, ненароком коснувшись женского плеча.

– Торопилась домой, – отозвалась Роза. – Вроде дождь накрапывал.

За окном догорал красный закат, туч не было и в помине.

Но после обеда, оставшись наедине с женой, Франческо с превеликим удовольствием рассказал о похождениях гостя из России, не забыв при этом упомянуть Алфредо.

– Представляешь, она за одно утро познакомилась сразу с двумя недругами нашей Карлы. А что будет дальше? – но в голосе мужа Роза слышала больше восхищение, чем досаду. – Ты заметила, на каких тарелках мы сегодня ели? Отец ни слова ей не сказал! Видела бы это Карла...

– Твоя любимая Карла назвала нашу дочь дьяволицей! – не сдержалась Роза и зашлась в рыданиях.

Под удивленным взглядом мужа слезы градом катились по щекам, а от нервных всхлипов началась икота. Из соседней комнаты примчалась Пэскуэлина.

– Мапочка, мапочка, не надо плакать, не надо! Я не хотела, не хотела, – шептала она на самое ухо, в порыве нежности обнимая Розу за шею.

– Что происходит у вас? – не выдержал Франческо накала страстей. – Почему ты плачешь, Роза? Объясни, что случилось!

– Посиди с Линой, – попросила вдруг жена и, не дожидаясь ответа, выскочила за дверь, оставив и дочь и мужа с раскрытыми ртами в полном недоумении.

Маша домывала посуду и прислушивалась к итальянским новостям, доносившимся из гостиной. Чтобы не мешаться на кухне, Марио уютно расположился перед телевизором с графинчиком вина и уже откровенно клевал носом, пропуская важные события с неаполитанского побережья, куда из Африки каждый день причаливали катера, контрабандой перевозившие сотни беженцев из Ливии. Поток людей увеличивался с каждым днем, но все они стремились в Рим, мечтая получить европейское пособия, а главное – квартиру.

Варенье получилось слишком сладким, на вид напоминало деготь, но пахло восхитительно. Рецепт Маша выискала на просторах интернета, по пунктам отработала всю технологию процесса и была горда собой неимоверно. Хотя по выражению лица Марио смутно догадывалась, что ее трудовой порыв остался не оцененным и до конца непонятым. Инжир в Сан-Стефано воспринимался как груша-дичка под Саратовом. Рос сорняком, созревал в любых погодных условиях, нещадно склевывался птицами и, оказываясь на земле, без жалости топтался ногами местных жителей. Но свой первый опыт на хозяйском поприще сама Маша оценила высоко и сдаваться не собиралась, если учесть, сколько было потрачено на варенье сил и сахара.

Роза тихо прошла на кухню, молча присела возле стола, поглядывая в сторону открытой двери в гостиную, откуда доносились голоса комментаторов. Маша разливала тугую массу по стерилизованным банкам, боясь ошпариться кипятком, все внимание сосредоточила на сложном процессе и вошедшей Розе лишь кивнула головой.

– Va tutto bene?²⁵

– Sì.²⁶

Почувствовав важность момента, Маша отложила половник, придвинула молчаливой женщине планшет и по глубоким чашкам быстро разлила свежесваренный чай. Первая фраза с небольшими погрешностями онлайн переводчика гласила:

«Спасибо за Пэскуэлину. Я мужу ничего не сказала. Он боится Карлу».

«Я не хотела вмешиваться в вашу жизнь. Я помогу тебе с дочкой», – последовало в ответ.

При полном обоюдном молчании женщины пили чай, общались с помощью интернет-ресурса и прекрасно понимали друг друга.

«Я завтра приготовлю обед».

«Хорошо. Я помогу. Мне жаль, что так получилось с Карлой».

«Лина хорошая девочка. Она добрая, но упрямая».

«Я заметила. Это чудесный ребенок!!!»

После трех восклицательных знаков Роза облегченно выдохнула и рассмеялась. Мария нравилась ей все больше и больше. С ней было легко, она не важничала, не напускала на себя высокомерный лоск, как заносчивая Паола, которая смеялась в глаза, повторяя за Карлой обидное прозвище. С этой женщиной все оказалось проще, ее приняла Пэскуэлина, и глаза ребенка светились торжественной радостью, словно хотели сказать: вот видите, а я говорила, что все будет хорошо!

Дома Роза первым делом объявила дочери, что завтра той придется остаться под присмотром Марии, и взяла с нее обещание быть послушной как перед причастием. Лина танцевала от радости, прыгала на кровати и с детской непосредственностью благодарила Деву Марию

²⁵ Все хорошо?

²⁶ Да.

за ниспосланное на нее счастье, чем довела родителей до полного отчаяния. Они и предположить не могли, насколько дочь не любила старую Карлу.

Перед сном, прежде чем уйти в свою спальню, Марио заглянул в комнату гостыи. Маша сидела возле окна, любуясь последними всполохами заката над черной горой. Мысли ее текли плавно, медленно, без препятствий и сложных душевных перипетий, на которые она не могла пока найти ответа, зная, что как ни старайся, а ничего из этой затеи не получится. Она смущенно запахнула на груди халат и предложила Марио присесть прямо на постель. Он сел, но на самый край, словно боялся осквернить чистоту накрахмаленных простыней. Пожелание спокойной ночи так и застряло в его горле. Марио глупо улыбался, любуясь плавным овалом лица, длинными ресницами и пушистым завитком, так безжалостно запроверженным за ушко. Уж очень он спешил, слишком велико было его желание привязать к себе эту женщину, завладеть ею и никуда не отпускать. С обыкновенным мужским эгоизмом он уже представлял себя ее мужем, купался в бескрайнем море ее любви и неминуемой зависти давних друзей, которые, несомненно, высоко оценят его избранницу. Как давно хотелось ему надеть темно-серый отутюженный костюм, купленный в дорогом магазине Неаполя, но не на свадьбу дальнего родственника, а на свою собственную, чтобы повести к алтарю Святого Стефания стройную женщину с голубыми глазами, в облегающем шелковом платье, с белыми бутонами роз в пшеничных волосах. Сегодня он так явно представил себе эту прекрасную картину, что показывая Франческо дорогу, пропустил поворот на Лапио. Пришлось потратить лишние полчаса, чтобы вернуться обратно. Но думать о работе Марио не хотел. В душе пели птицы, порхали бабочки, распускалась магнолия. Он снова чувствовал себя тридцатилетним юнцом. Расправились сутулые плечи, грудь задышала глубокими вздохами, жадными и частыми, а в глазах заблестели искрометные огоньки. Если б только набраться смелости...

– Беттина, – услышал он позабытое имя и почему-то рассмеялся.

– Ты хочешь знать, кто такая Беттина? – переспросил он для верности.

– Да.

– Сарра! Коза!

– Коза? Не может быть!

– Клянусь, моя донна! У меня и у Алфредо были одинаковые козы. Произошла путаница.

Глупая шутка... Я зашел, чтобы пожелать спокойной ночи, Мария.

– *Vuona notte*,²⁷ – улыбнулась она в ответ.

Он хотел сказать что-то еще, но передумал. Потом в одиночестве долго ворочался на высокой кровати, тяжело вздыхал и пристально всматривался в голубую полосу лунного света, скользящую по шершавой плитке от шкафа к двери. Луч пробудил далекие воспоминания, когда семья едва умещалась за длинным столом, а река даже летом бурлила половодьем, и глупая рыба, перепрыгивая каменистые пороги, попадала прямо в садки. Вспоминалась ему и коза Алфредо, и девушка по имени Беттина...

О многолетней вражде между Тонини и Бренцони в Сан-Стефано уже все успели позабыть кроме самих семейств и многочисленных родственников. А вражда началась из-за белой козы Беттины, которую молодой Алфредо купил на ярмарке в Авеллино. Многие в то время держали коз и коров, покупать молоко в городе считалось дурным тоном. Все жили натуральным хозяйством, взбивали масло или оттачивали мастерство на производстве известнейшего неаполитанского сыра под названием «Боккончини» – «маленький укус». Сливочный сыр скачивали в аккуратные шарики, а для нежной структуры к коровьему молоку примешивали козье. Пастбищ вблизи Сан-Стефано было предостаточно, но в засушливое лето, когда под палящим солнцем в середине июля трава выгорала до тощих былинки, жители со всей округи выводили рогатый скот на выпас в верховье реки, ближе к тенистым лесам, где трава оставалась

²⁷ Спокойной ночи.

зеленой и сочной. В то время пятнадцатилетний Марио по выходным дням исполнял в семье роль пастуха. Буро-коричневую буйволицу и двух белых молочных козочек он бодро гнал в буковую рощу еще спозаранку, а после обеда пригонял обратно домой на дойку. В тенистую рощу повадился и Алфредо, только свою козу Беттину он привязывал к дереву и проводил полдня на огороде. Чтобы ненароком не перепутать домашний скот, на рогах животных делали приметные запилы.

Двадцатилетний Алфредо по всей округе считался завидным женихом: стройный как кипарис, с широкими плечами, пышной шевелюрой курчавых волос. На каждом празднике голос его звучал громче всех, а в танцах ему не было равных. Но прозвище своей козе он дал не просто так. В соседней деревушке приглянулась ему девушка по имени Беттина. Так приглянулась, что потерял Алфредо покой и сон, ходил целыми днями неприкаянный, словно в чахоточном бреду, и каждый вечер шел пешком в деревушку Беттины, чтобы хоть издали полюбоваться на нее, когда девушка возвращалась вместе со старшей сестрой после работы. Юная Беттина многих прельщала своей красотой, но родители не спешили выдавать любимую дочь замуж.

Как-то раз коза Марио забрела на чужой огород неподалеку от соседней деревушки, объела молодую тыквенную ботву, а после принялась за сочные листья капусты. Беттина с сестрой полола грядки. Девушки подняли шум, прогнали с огорода бесстыжую козу, а заодно высмеяли нерадивого пастуха, который прибежал на громкие крики и нашел свою пропажу на огороде Беттины. Марио тут же влюбился в юную красавицу. Первая любовь была столь хрупка и невинна, что завидев на следующий день Алфредо, подсматривающего за девушкой из кустов молодого орешника, юноша решил заступиться за даму своего сердца. Марио проигрывал в силе сопернику, но его кулаки здорово расквасили недругу нос, а огромный кровавый синяк успел залить левый глаз, когда Алфредо возвратился вечером домой.

Поутру матери сопоставили увечья сыновей и решили прояснить ситуацию, но оба, и Марио и Алфредо, молчали, как заговоренные, никто не хотел признаваться и произносить имя возлюбленной. На этом история благополучно и закончилась бы, но недоразумения по роковой случайности продолжались. Один раз Марио задремал в тени, а его строптивая коза тем временем убежала в лес. Чтобы не получить от отца взбучку, он отвязал козу Алфредо и привел ее домой, выдавая за свою. Естественно, что обманутый Алфредо вечером кинулся искать Беттину, и добрые соседи указали ему на дом Марио. Скандал слышала вся деревня. Никто не хотел уступать, Тонини доказывал свою правоту, показывая на запил, а Бренцони утверждал, что у его козы на рогах имелась точно такая же отметина. Отец Марио не отдал Беттину даже, когда сам догадался, что коза чужая. Извиняться и оправдываться перед выскочкой Бренцони он не захотел. Только на следующий день Марио отыскал возле реки свою козу и привел домой! Вся деревня потешалась над нерадивым пастухом, но с того дня оба семейства перестали замечать друг друга. А красавица Беттина уехала к тетке в Геную и там вышла замуж. Больше никто ее не видел, и никто не знал о настоящей причине, которая породила вражду между Тонини и Бренцони.

Не думал Марио, что через столько лет Алфредо угостит его гостью молоком...

Глава четвертая

Маша проснулась от нетерпимого света, слепившего глаза. Луч восходящего солнца преломлялся от поверхности овального зеркала и рассыпался на сотню зайчиков, бесцеремонно пробуждая гостью Тонини. Она безмятежно потянулась под одеялом, пальцами ног уперлась в кроватьную панель, чуть приоткрыв глаза, улыбнулась Сикстинской Мадонне, как в детстве улыбалась бабушкиной фотографии, висевшей на стене в изголовье. Ей показалось, что она всю жизнь только и делала, что каждое утро просыпалась в мягкой постели, вот так потягивалась под благосклонным взглядом Мадонны, а не вскакивала под оглашенный звон будильника и неслась на кухню готовить завтрак. Думая о завтраке, она улыбнулась еще больше. Завтрак! Пышный омлет из домашних яиц, простой деревенский хлеб кафоне, сливочное масло, а лучше сыр моцарелла и много-много сочной зелени. Словно она корова на пастбище или коза. Коза Беттина! Тихий смех разлетелся по комнате. Пора вставать.

На кухне мужчины доедали свой завтрак, у плиты хлопотала Роза. Хмурая Пэскуэлина вилкой ковырялась в тарелке, натужно сопя над нелюбимым омлетом.

– Доброе утро!

На звонкий голос обернулись все.

– Доброе утро! – ответ прозвучал как трио, а маленькая Лина только встряхнула шапкой курчавых волос и незаметно подмигнула.

Маша подмигнула в ответ. Педагогике как науке она никогда не обучалась, хотя полжизни проработала в художественной школе именно с детьми. С годами к ее колоссальному опыту добавился индивидуальный подход и к подросткам, и к той непоседливой мелюзге, которую мамочки приводили в класс рисования с огромными амбициями к желторотому потомству. Детская дружба всегда казалась ей чем-то простым, светлым и не имела цены. Поэтому к ученикам Маша относилась с минимальными требованиями и огромной любовью, постепенно возвращая в хрупких душах то чувство прекрасного, каким была переполнена и ее собственная душа.

По дому разносился бодрящий запах свежего кофе. Не принимая во внимание протесты Марии, Роза поставила перед ней огромную тарелку омлета с помидорами и кружку горячего кофе. Легкий, неосязаемый пар струился над глянцевой поверхностью, а ноздри сами произвольно потянулись вдохнуть аромат.

– Это хороший кофе. Очень хороший. Джулиано привез из Неаполя, – пояснила Роза.

Маша пригубила маленький глоток, немного подержала во рту. Вкус почувствовался не сразу, сначала небо обожгли грубые древесные нотки, затем веером раскрылись ванильные, сладко-цветочные. Под пристальным взглядом Розы Маша выпила всю чашку, заслужив при этом одобрение со стороны всех членов семейства Тонини, и с удовольствием отметила, что напиток ей понравился. Он не был горько-отталкивающим или приторно-сладким, он был... как Италия – восхитительным!

После завтрака Франческо отправился заводить грузовичок, а Марио пригласил Машу в гостиную.

– Ты замечательно выглядишь, моя донна. Просто чудесно! Как спалось? Хорошо? – Он тянул ее присесть на диван, нежно прижимая руку к груди.

– Хорошо, – Маша смутилась. Она смушалась всякий раз, когда слышала подобные комплименты, сомневаясь в правдивости того, кто их произносил, произвольно следуя желанию не принимать все на веру, а главное, не отвечать глупой улыбкой и безвкусным «спасибо».

– Мы с Франческо уедем сегодня на целый день. Приедем поздно. Ты не будешь скучать? Тебе что-нибудь нужно? – Он мягко тянул ее к груди, а она также деликатно пыталась сопротивляться.

– Нет. Все хорошо.

От Марио исходил тонкий мужской аромат туалетной воды, в котором Маша, в отличие от Лоры, всегда путалась и никогда не могла точно определить – Armani это или Gucci, ссылаясь на отсутствие профессионального обоняния парфюмера. Но запах Марио напоминал осенний, мокрый лес, свежесть ручья, поросшего мхом, и еще какие-то цветы, название которых Маша не помнила, а помнила только цвет: ярко-желтый. Она наклонилась ближе, чтобы вдохнуть новый аромат, а Марио, неверно оценив ее жест, воспользовался моментом и поцеловал в щеку. Невинный, поспешный поцелуй, словно касание южного ветра, тронул женское сердце. Но коснувшись в ответ колючей щетины, Маша непроизвольно вскрикнула и поморщилась.

– Что такое? – Глаза Марио превратились в два огромных блюда.

– Riccio! Ежик!

– О, Мадонна!

Он испуганно потер небритую щеку, но блаженная улыбка уже расплзалась по довольному лицу. С первого дня, как эта женщина переступила порог его дома, Марио, словно двенадцатилетний мальчишка, мечтал о ее поцелуе и, наконец, дождался!

Провожая отца и дедушку, Пэскуэлина выбежала за грузовиком на дорогу, Марио с довольной улыбкой до самого поворота махал внучке рукой, а Франческо, усмехаясь глупому виду отца, скалился белозубой улыбкой, за что и получил легкий подзатыльник.

Все утро Роза обучала гостью тонкостям итальянской кухни. Женщины обменивались простыми фразами, но если требовалось подробное разъяснение, выручал планшет и Пэскуэлина. Девочка являлась неотъемлемой частью всей суеты и обучающего процесса в целом. С неподражаемой мимикой она поясняла значение новых слов, и стены дома многократно содрогались от громкого хохота, который через открытые окна вырывался наружу. Заслышав его, проходившие мимо жители Сан-Стефано удивленно останавливались, с любопытством осматривали дом Тонини, откуда несло неоправданное веселье, покачивали головами, то ли осуждая, то ли одобряя, и шли дальше.

Во всем процессе самым сложным оказалось разведение огня в настоящей печи, колоритно вписавшейся в кухонный гарнитур между газовой плитой и мойкой. Квадратное сооружение с полукруглым верхом, откуда выходил один конец черной трубы, а другой исчезал в закопченном потолке, Маша посчитала простой атрибутикой итальянского интерьера, как дань уходящей старины, и приняла за украшение деревенской кухни. Но под печкой в широкой нише имелись настоящие дрова, а в углу стояла кочерга, щипцы и два ухвата разной длины. Привычным жестом Роза убрала с печи полукруглую заслонку, сверху скомканной бумаги и сухой щепки положила пару поленьев, подожгла.

Постепенно кухня наполнилась легким запахом горелой древесины. Он напомнил Маше зимние вечера, когда вдвоем с бабушкой они уезжали из Москвы на дачу, чтобы встретить Новый год. Дачная печь занимала почти четвертую часть кухни, топилась заготовленными с лета наколотыми дровами, и от ее тепла Маше всегда становилось хорошо и спокойно. За окном сыпал пушистый снег, крепчал морозец, рисуя на окнах вихрастые узоры, а они пили травяной чай с липовым медом и слушали старые пластинки на довоенном граммофоне, который бабушка берегла пуще глаза...

Все свои действия Роза сопровождала подробными пояснениями и в словах не стеснялась. Другое дело, что Маша половину слов не понимала, но жесты и мимика превосходно дополняли общую картину. Первым делом, когда печь растопилась, а угли прогорели, в жаровню отправили хлеб. В отличие от Карлы, которой в выпечке кафоне не было равных, Роза превосходно пекла чабатту, заблаговременно приготовив опару еще с вечера. На широком столе легкими, непринужденными движениями она вымешивала тесто, формируя в идеальные прямоугольники. Вроде все просто.

Возиться с тестом Маше нравилось. Сын Максим до тринадцати лет рос болезненно худым, из-за чего казался высоким и нескладным. В любое время суток он любил пирожки с картошкой, поэтому каждую субботу возле батареи выстаивалось дрожжевое тесто, и к вечеру кухонный стол ломился от булочек с изюмом, ватрушек с творогом, хачапури с сыром и всем, чем сердобольная мать хотела подкормить худосочного отпрыска...

Суп варился на курином бульоне с мелко нарезанными овощами и с бесподобным запахом. Маше показалось, что ей никогда не достичь такого совершенства. Ее супы всегда оставляли желать лучшего: горох разваривался до тленного состояния, когда цвет воды делался грязно-желтым, а домашняя лапша под конец приготовления распадалась на молекулы. В таком щепетильном деле как первое блюдо Маша не стала полагаться на зрительную память и под скептическим взглядом Розы подробно законспектировала весь сложный процесс. В выборе второго блюда женщины решили отдать предпочтение традиционным пристрастиям мужчин. Роза предложила приготовить пасту. Макароны! Ну это Маша умела. Боже мой, сварить макароны, руководствуясь ходом минутной стрелки, что может быть сложного! Но, оказалось, пасту подают к столу свежеприготовленную, с пылу с жару, а до вечера она превратится в холодную, абстрактную массу.

Разложив на столе черри, лук, чеснок, базилик, сельдерей и лавровый лист, перед восхищенными взглядами Маши и Пэскуэлины невозмутимая Роза целый час показывала мастер-класс приготовления неаполитанского томатного соуса с красным перчиком. В глубоком сотейнике она помешивала густую, красно-зеленую массу деревянной ложкой и загадочно улыбалась, словно там кипел и попыхивал не банальный томат, а как минимум эликсир вечной молодости и долголетия. Все эти запахи, давно заполнившие пространство кухни, постепенно распространились по дому и привлекли внимание голодного спаниеля. Ричи явился на порог как раз к полдню, громким лаем взывая к милосердию, указывая на пустую миску, а Роза, взглянув на часы, схватилась за голову.

– Святой Стефаний! Я опоздала на почту. Сегодня приедет курьер с посылками.

– Он знает, где ты живешь, мамочка, – успокоила ее дочь. – Все равно не проедет мимо нашего дома. Здесь одна дорога.

– А давайте чаю попьем, – Маша торопливо расставляла чашки. Полдня в домашних хлопотах как не бывало, надо бы и отдохнуть.

Пэскуэлина капризно дергала за рукав, уговаривала мамочку выпить чаю, та устало опустилась на стул, незаметным жестом провела по низу живота, поморщилась.

– Какой срок? – быстро написала Маша на планшете. Роза удивленно развела руками.

– Как ты догадалась?

– Это у тебя на лице написано. – И Маша обвила свое лицо указательным пальцем.

– Правда? Ты наблюдательная! Два месяца уже. – Роза незаметно кивнула в сторону Пэскуэлины, которая уже забыла о чае и принялась расчесывать безутешного пса.

– А Франческо?

– Знает только он. Больше никто.

– Ты счастливая...

После чайных посиделок Роза засобиралась на почту, а Маше не терпелось прогуляться по окрестностям. Учитывая предпочтения Лины, они собрали корзину для пикника, пакет с бутербродами, три баночки свежесваренного варенья, пустой кувшинчик Алфредо, и, прихватив Ричи, отправились в деревню.

День выдался солнечным. Неторопливым шагом они поднимались в гору, а Ричи, натягивая поводок, нетерпеливо забегал вперед, выискивая в придорожных кустах легкую добычу. Дом Тонины находился между владениями вдовы Аделины Грава и вдовы Росины Пьяджи, которых Карла стремилась сосватать в жены младшему брату. Дом самой Карлы стоял чуть выше за плотной стеной стройных кипарисов, посаженных после войны еще отцом Антонио.

Теперь двадцатиметровые гиганты круглый год надежно защищали огород Карлы от пронизывающего северного ветра. Но Лина не позволила долго любоваться темно-зелеными стражами, она тянула Машу вперед, в деревню, подальше от дома нелюбимой бабушки.

Когда после первого поворота нескончаемого серпантина они вышли на площадь, то вместо двухколесной повозки Бартоло там стояла только длинная подвода с клетками. Куры, утки, гуси, два огромных индюка, кролики и семидневные цыплята томились в клетках, ожидая неминуемой участи. Две женщины, одетые во все черное, громко торговались из-за цены. Одна уверяла, что товар отменный и удешевлению не подлежит, другая настаивала на существенной уценке, призывая в свидетели всю родню до седьмого колена, что товар завтра же может издохнуть, и такие деньги брать за него сегодня просто преступление.

Маша одной рукой крепко держала Лину за руку, в другой несла корзину. Ричи спокойно семенял рядом, за поводок его тянула Пэскуэлина. Завидев приближающуюся процессию во главе со спаниелем, женщины резко замолчали, быстро оценили ситуацию и вдвоем накинулись на девочку.

– Кто это с тобой, Лина? Откуда эта женщина? – При этом они не сводили глаз с незнакомки в брючном костюме.

Но Лина гордо вскинула кудрявую голову и, не останавливаясь ни на секунду, громко произнесла:

– Это Мария! Новая жена моего дедушки Марио.

Когда женщины остались позади с открытыми ртами, Маша решила поинтересоваться, что ответила девочка любопытным торговкам, но Лина только улыбнулась и беззаботно махнула рукой.

За площадью через узкий проулок они вышли на главную улицу Сан-Стефано, которая шла на подъем и обрывалась очередным поворотом. Дома здесь так плотно жались друг к другу, что напоминали ласточкины гнезда. Высокие стены, все сплошь из камня, смотрели на путника вытянутыми окнами, словно пустыми глазницами. На карнизах и водосточных желобах росли целые кустарники. Кое-где вверху между домами на растянутых веревках сушились белые простыни, мужские рубашки и черные женские юбки. Двери, выкрашенные темно-зеленым цветом, выходили прямо на улицу, а на плоских низких ступенях из грубо обтесанного камня грелись коты. Встречались дома, двери которых были наглухо забиты досками с табличкой «*in vendita*»²⁸, и такого жилья в Сан-Стефано имелось предостаточно. Чтобы улучшить положение малонаселенных деревень, правительство разработало специальную программу, и каждому, кто хотел обзавестись собственным жильем, такие дома продавали за один евро. Но желающие в очередь не становились, бесхозные дома требовали капитального ремонта и вложение кругленькой суммы денежных средств.

²⁸ «в продаже»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.